Арфи
2017

АЛЬМАНАХ РУССКОЯЗЫЧНОГО ФУРРИ-ИСКУССТВА

В НОМЕРЕ

«Дорога в Сосновый», Мантс
«Время Крылатых, часть вторая» (отрывок), Кельт
«Я был человеком с душою дракона», Кхра Фирос
и другие...

FurNation.Ru

Anstice Wolff 2017

Оглавление

Поэзия и проза

Silver Fox

Серебро 6
Волк 6
«Аркуда оберегает белый лес...» 6
Остановка 7

Zero-ni

Ты это я 9

Мантс

Дорога в Сосновый 15
Сосновый 19
Во дворе Азеркина 25

Кельт

Время Крылатых: Часть вторая
Глава 2. Сила 29

Кхра Фирос

Одиночество 43
Серые хвосты 43
«Творец на нотах нам покажет...» 44
«Я был человеком с душою дракона...» 44

Художники

AnsticeWolf

Artist - главная обложка и постер
Bowhunting (рис.) 2
This is My Forest (рис.) 13

Azara

Исцеление (холст, масло) 8

Conqista

Рысь - внутренняя обложка

Del Kon

Обновленные рога (рис.) 38

Felis

Улитки (рис.) 24
Белый дракоша (рис.) 43

Фэл

Гнездо в Сосновом (рис.) 18

Imanika

Дизайн выпуска
Внутренние элементы оформления

Johnny Fox и Reno AKA Студия Monster & Fox

Enototreyd (рис.) 40
Космотигр концепт (рис.) 44

Крафи

Приз КФ (рис.) 42
Pixel for StitchesStudio 43

Lunar

Mause (рис.) 26
Zmernaldina (рис.) 41

Neko

Tribal cat (рис.) 5
Skyrim chee (рис.) 28
Кошки (рис.) 47

Paddy B.G.

Raider Unicorn (рис.) 35

Синька

Повозка (рис.) 17

Честер-сан

Во дворе Азеркина (рис.) 27

Wooy

Дорога в Сосновый (рис.) 14

Жмернальт

Изображение 406 (рис.) 45

Контакты и адреса сайтов авторов и редакции АРФИ **46**

Создатели журнала **46**

От редакции

Привет всем пушистым и чешуйчатым читателям!

Мы решили сделать несколько изменений в дизайне альманаха и в этом году пофантазировать на этническую тему североамериканских индейцев, которая по душе многим пушистикам.

В этом году хотелось бы обратить внимание на новые произведения уже известных нашим читателям авторов - Кельт продолжает свою фэнтази сагу «Время Крылатых», а Мантс развивает вселенную Общего мира. Кроме того, у нас появилось несколько новых художников и писателей. К сожалению, из-за ограничения по количеству страниц, мы не смогли напечатать все отправленные авторами работы, но надеемся что молодые авторы будут совершенствовать своё мастерство и отправлять нам свои новые работы.

К сожалению, с этого выпуска нам пришлось приостановить проект MRFF. Во многом из-за появления новых форматов публикации музыки в Интернет. Музыка постепенно стала пропадать и с FA или Furnation.ru, а количество участников Musical Russian Furry Foundation, по словам Lozi сократилось до критической точки меньше 4х морд. Всё это меня немного печалит, потому что хочется что бы все виды пушистого творчества можно было найти на одной платформе, а музыканты общались с художниками, писателями и поэтами и придумывали вместе новые фурри-миры и вселенные, наполненные музыкой.

Сегодня выпуск дисков стал совершенно не актуален. У большинства наших пушистых читателей нет даже устройства для их чтения. Мы немного поразмышляли над тем, чтобы разместить все файлы на флешку, как приложение к альманаху, но в итоге от этой идеи тоже отказались.

Лучше в будущем попробуем сделать подборку и выложить её в интернет на mrff.ru, если на это будет запрос читателей. В принципе, у нас есть несколько новых идей по поводу музыки и других жанров фурри-искусства где возможен только электронный формат, но не знаем что из этого получится.

Другие проекты нашей команды продолжают развиваться. Мы стараемся дать стимул прикладному искусству и фурри дизайну с помощью магазина FurryStuff.ru и приглашаем туда всех авторов, и конечно покупателей-коллекционеров фурри-предметов.

Увидимся в новом выпуске 2018 года!

Silver Fox
alexvu375@gmail.com

Серебро

Серебро. Самородок. Пехота.
Чист как слава нашему гению.
Вечно ценный. Вечная работа.
Рождён быть лёгкой тению.
Брат ему мягкий Иттрий,
Без цены на одной с ним полке.
Александр и вольный Дмитрий -
Вместе будто нитка с иголкой.
Рождён от ангела да кельта.
Защитил графа, народ, себя.
Не впервые пробита дельта.
Прощай меня, что забыл тебя!

Серебру, что сий век хранит меня.
Иттрию, что год ненавидит меня.
Кельту, что секунду знал меня.
Небу, что весь миг помнит меня.

Волк

Зайдём в подъезд, поговорим,
Какая жизнь всё же скука.
И не сдержав сердца стука,
Вместе на ночь глядя полетим.

Мы летим без парашюта.
Мы как те звери закричим,
Став вишенкой салюта,
Который внизу был ничьим.

Ночь не могла от нас сбежать,
Ведь наш вой был её быстрей.
Луна от страха закричать
Не могла и тьмой своей.

Когда князь свой дом обронил,
Его голос страх пред нами
Насквозь тогда заполонил
И мы сбежали с ключами.

Ключей тех было немного:
Небесный поделил с душой,
А ключ от счастья земного
Волчица забрала с собой.

А кто была та волчица,
Не успел разглядеть слепой.
Всю жизнь та собака мчится
И в полночь воет под луной.

***

Аркуда оберегает белый лес,
Рысь окрасит его в зелёный ,
Филин принесёт во него прогресс,
И лис добавит мех калёный.

Ах, сразу любо станет в октябре:
Рокот грозы небо оглушит,
Фуршет оставит пятна на ковре,
И град адаманты сокрушит!

Остановка

В углу старый ботинок, голые стены,
Смотрят с картинок полные стервы,
Стол с упавшей ниц чернильницей,
Тьма растёкшаяся по дереву птицей,

Пружина из матраса давно торчит
И что то там себе тихенько бренчит.
Пятна справа, пятна слева, всё пятна,
Кто здесь есть слепому ведь непонятно.

Белое пятно здесь, чёрное пятно там -
Всё то гласит тем далёким минусам.
Ямщик уж давно всё возможное потерял,
Счёт всех плат и долгов Семи Морям

Если уточнят, кто здесь жил-не тужил,
Резкий стук прорвётся в ДСП дверь.
Если уточнят кто там, то ты мне поверь,
Будет это лохматый, бедный старожил.

Ручьями слёзы лились из зелёных глаз,
О тех, кто некогда служил здесь ради нас.
Будет это тот Серебро двухметровый,
И завьётся в пасти язык весь лиловый.

То будет сказка о счастье заморском,
Что в бумагу жёлтую забилось воском.
И замолкнет глас правдивый, да лисицин
Когда заговорит о страхах вольной птицы.

О том что выше и увидеть она не смогла,
Всё то, что в душе спрятано там, где мгла,
Один где восемь человек втроём гласят семи,
О небытии, о сознании, про отсутсвие семьи.

Ты это я

Белый волчара, одетый в кожаный прикид байкера, без нашивок клана, буквально ворвался в приемный покой городской больницы, когда на улице уже изрядно стемнело. Он отодвинул сунувшегося было к нему охранника, коротко рыкнул на санитарку, которая попыталась остановить нарушителя порядка, устало провел лапой по запыленной морде, сдернул с головы бандану и, шурша косухой, решительно пошагал к кабинету дежурного врача. Бригада скорой, коротавшая дежурство в приемном покое за игрой в карты только проводила его настороженными взглядами, кто их знает, этих безбашенных, может оказаться и вооруженным, может и обдолбанным в хлам, но усталые запавшие глаза успокоили мускулистых фельдшеров, а водитель кареты вздохнув опустил обратно, в карман форменной куртки, уже почти вынутый на свет божий короткий крупнокалиберный револьвер:

– Сдавай, что-ли. Этот не буянить пришел, по глазам видно. Горе у него.

– Ага, а ты Михалыч, самый умный… – охранник-питбуль подошел к игрокам, растирая плечо, на котором на секунду сомкнулись волчьи пальцы – …Вот сразу глянул и диагноз готов.

– Сарказм? Или сам ничего не видишь? – выдр-водитель усмехнулся в усы – Молодой еще, зеленый… Ничего, постоишь тут годик-другой, сам начнешь чуять. А в драку лучше не лезь – от него смертью пахнет. Зашибет и не заметит. – после чего снова уткнулся в карты.

А белый, тем временем, не обращая внимания на возмущенный писк мыши-регистраторши и прыснувших в сторону, с его дороги, молоденьких медсестер-зайчих, вышагивал по коридору, жестко вбивая ступни в мягкий ковролин покрытия. Надо было спешить. Надо! И он спешил. Уже не первый день и не первую ночь. И не успевал… Жутко хотелось задрать морду к белому потолку, залитому слепым светом ночных ламп, и завыть. Завыть так, чтобы услышала боль разрывающейся на куски души государыня Луна, что царит в ночном небе, чтобы встрепенулся Предок, на обратной, невидимой ее стороне, чтобы выплеснуть все отчаяние, которое сжигало белого изнутри. Но допустить такое означало потерять последнюю капельку надежды, которая еще оставалась в глубине сердца, потерять честь.

Больничные запахи забивали нос, заставляли морщиться и тереть свербящую мочку, а волк скользил по коридору к одному ему ведомой цели. Не видя никого и ничего вокруг.

– Стойте, батенька! – мягкая, но сильная лапа захватила волчару за запястье – Посещений сейчас нет. Вам… Ой…

Волк едва успел остановить удар в паре миллиметров от горла схватившего его за лапу кота в белом халате, с бейджиком дежурного врача на кармане.

– Извините, доктор. – голос белого был наполнен дикой усталостью, но лапа-копье, касавшаяся когтями гортани перепуганного врача была направлена очень точно и твердо – Извините… – обтянутые кожей плечи дрогнули и лапа упала вниз – Я на лапах уже пять суток… Как только узнал, что случилось… Через весь континент… Она здесь, я знаю. Что с ней? Как она? – теперь в хриплом простуженном баритоне слышались мольба и отчаянная надежда – Я должен быть рядом! Просто обязан…

- Что вы себе позволяете? – все еще не отошедший от испуга кот распушил шерсть – И вообще, покиньте больницу или я вызову… – взгляд врача наконец сфокусировался на открытых перед его носом карманных часах, которые волк держал на ладони, точнее на чем-то находящемся на их крышке – Хмммммм… – тут до него начал доходить смысл сказанного – Пять суток? За мной. Немедленно! – после чего резко развернулся и, распахнув дверь кабинета, из которого только что вышел и уже через плечо прошипел – Да не стой ты столбом!

Белый защелкнул часы и шагнув, вслед за котом, через порог, закрыл за собой дверь. Внутри оказался обычный кабинет-дежурка. Пропахший дезинфектантом, бумагами и крепким кофе. Стол, несколько стульев, шкафы-стелажи для препаратов неотложной помощи и документов, пара тумбочек, белая матерчатая ширма и клеенчатая кушетка. Словом, все как везде, ведь тот, кто видел один такой кабинет, может сказать, что видел их все.

Кот, молча, ткнул пальцем в кушетку и белый, скинув тяжелую косуху, уселся на нее. Теперь врач был в своей стихии и приготовился уже высказать этому вторженцу

все, что думает и ощущает, но разноцветные глаза волка умоляли, а опущенные на колени лапы, с которых тот стянул армированные перчатки-беспальцовки, слегка подрагивали.

– Так-с… – шерсть на спине кота улеглась, а хвост уже не напоминал ершик, которым моют бутылки – Что тут у нас? Мда, батенька, наморду все признаки переутомления. Убить себя желаете? Сейчас я вызову сестру, она отведет вас в палату, вкатает слоновую дозу успокоительного, а когда проспитесь… – кот довольно фыркнул – … дня через два-три, под капельницей, тогда и поговорим.

– Нет. – в глубине волчьих глаз начал разгораться мрачный огонь – Нет. Я…

– Да-да, быть рядом… – кот покачал головой, поправил очки на носу. Почему он не нажал тревожную кнопку, для вызова полиции, он и сам сейчас не понимал, но этот странный пришелец был одновременно и проблемой и загадкой, которую пытливый ум медика пытался решить – …И вообще, кто вы для нее? Родственник? И как насчет документов?

– Я? – на секунду волк смутился – Нет, не родственник. Пока. Ну, она и я… Она моя… Мы… - его правая лапа дернулась, и на безымянном пальце блеснуло широкое серебряное кольцо, покрытое сложной резьбой – …помолвлены.

Кот присмотрелся к этому, почти незаметному на белой шерсти, украшению и его янтарные глаза сузились. Он уже видел точно такое же. Только куда более изящное, и с более узким ободком, надетое на тонкий пальчик. Причем буквально полчаса назад, во время обхода. Вздохнув, он ловко подцепил задней лапой стул на колесиках и, подтянув его к себе, и уселся прямо напротив волка.

– Да уж, сударь мой, задали вы задачку. Она в коме. В стерильном боксе. И туда нельзя. Сидеть! – маленький пушистый доктор грозно рыкнул на здоровенного волка, который чуть не сорвался с места – В реанимацию никому нельзя! Даже мне. Даже вам. Все в лапах Неба. Но чтобы она дожила до утра нужно чудо…

– До утра.. – поникший было волчара неожиданно собрался и на посеревших губах появилась жесткая улыбка, а в глазах вместо боли и отчаяния зажглась мрачная решимость – Чудо… Значит, я все-таки успел…

Потом, через много лет, кот, будучи уже маститым профессором и известным хирургом, вспоминал этот разговор и сам не мог понять, как он попал под обаяние этого странного гостя и, было ли вообще все это, не приснилось ли ему, но каждый раз переводя взгляд на запертый шкаф, убеждался в реальности произошедшего.

Как ни странно, дальнейший разговор продолжился далеко за полночь. О чем он шел, что было сказано, кот уже не вспомнил, но мог поклясться, что волк не причинил ему ни малейшего вреда, вел себя смирно и лишь уши белого, увенчанные маленькими черными кисточками, постоянно находились в движении, ловя малейшие звуки, доносящиеся из коридора. Вместо усталого до последнего предела странник прямо перед ним сидел готовый к смертельной схватке воин. Воин, ждущий последнего боя. И знающий, что враг уже рядом и никуда не денется. В какой-то момент волк поднялся с кушетки, и его шерсть вспыхнула тонким прозрачным пламенем, окутавшим всю фигуру:

– Оставайтесь здесь, доктор. Это никому не угрожает, кроме меня. Он идет! – после чего даже не глянув на оставшиеся лежать на клеенчатой поверхности косуху и перчатки, вышел в коридор, взмахнув на прощание хвостом. Щелкнул замок, а кот остался сидеть на стуле, с недопитой чашкой медленно остывающего кофе в лапах. Больше он своего гостя не видел. Никогда.

Волк закрыл за собой дверь и встал посреди коридора, ведущего к реанимационным боксам. Во внезапно наступившей темноте его фигура казалась призрачной, разноцветные глаза сверкали, словно багровое адское пламя и промороженное до дна горное озеро. А от приемного покоя шествовал он. Укутанный в черный балахон с глухим капюшоном, скрывающим голову и морду, с тускло поблескивающей косой в лапе. Беззвучно и неотвратимо. Жнец, пришедший собрать предназначенный ему урожай. Только два уголька в глубине капюшона, только бесшумная поступь, только мертвенный холод… Смерть!

Белый шагнул навстречу Жнецу и поднял правую ладонь в запрещающем жесте отстранения:

- Стой. – голос волка был совершенно спокоен – Дальше дороги нет.

- Тс-с-с-ты меня видиш-ш-ш-шь с-с-с-смертный… - Жнец замедлил движение, но продолжил скользить по коридору – Понятно… Мертвый глаз и древняя кровь… С-с-с-с дороги, с-с-с-смертный. Я иду за тем, что мое по праву. И заберу это. С-с-с-с дороги или учас-с-с-сть твоя будет ужас-с-с-сна. Не с-с-с-спорь с-с-с-с-со С-с-с-смертью!

Коса в лапах Жнеца угрожающе поднялась, но белый не сдвинулся с места.

– Дальше. Дороги. Нет. – левая лапа волка тоже поднялась рядом с правой – Если. Хочешь. Пройти. Сразись. Со мной!

Жнец остановился, склонил голову к плечу и неожиданно засмеялся. Его смех был дребезжащим, режущим слух, вызывающим зубную боль и заложенность в ушах:

– С-с-с-смертный, ты дурак… ЧТО ты можеш-ш-ш-шь? Чем ты будеш-ш-ш-шь с-с-с-сражатьс-с-с-ся? Голыми лапами? Я вс-с-с-се равно получу то, за чем приш-ш-ш-шел.

Серое лезвие косы вспороло воздух прямо перед выставленными ладонями волка, обдав его ледяным ветром.

– Беги, с-с-с-смертный, беги… Пока можеш-ш-ш-шь. Я ведь и за тобой приду. Но не с-с-с-сейчас-с-с-с, намного позже… Беги!

– Нет. – волчара глубоко вздохнул и уставился прямо в глаза-угольки Жнеца – Мне есть чем ответит. – его лапы внезапно расслаблено упали, а на губы вернулась жесткая, даже жестокая улыбка – Приди! Пламень, рассекающий темноту, тот, что чернее, чем сама тьма и светлее света! Пой свою песню о, Шиннен но-Хоши о Терасу!

Левая ладонь волка сжалась, но она уже не была пустой. Пальцы сомкнулись на эфесе длинной, изящно изогнутой катаны. Беспросветно черный клинок, в глубине которого мерцали клубки звезд и созвездий, поднялся, и его острие указало прямо на провал под капюшоном Жнеца:

– Мне есть чем ответить. Прими же мой вызов, синигами-сан.

– Да! Древняя кровь, я не ош-ш-ш-ш-шибс-с-с-ся. Но даже клинок душ-ш-ш-ши не с-с-с-сможет ос-с-с-становить меня. И ты это знаеш-ш-ш-шь, с-с-с-с-смертный.

– Не остановит. Ничто не остановит Смерть. Но задержит. – теперь волк улыбался во всю пасть, демонстрируя острые клыки, по его морде бежали языки алого пламени, складываясь в круг на лбу и обводку вокруг глаз – Я не смогу победить тебя, синигами-сан, но задержу до рассвета. И ты это знаешь. А если она доживет до восхода…

– Дурак… Я с-с-с-свое получу в любом с-с-с-случае…

– Но не сейчас. Ты не выполнишь свою миссию. Хотя, если хочешь, могу предложить тебе другой вариант, синигами-сан.

– Какой? Что может с-с-с-смертный предложить Жнецу?

– Обмен. Жизнь за жизнь, душу за душу. Ты возьмешь меня, а не ее.

– Дурак! Ты знаеш-ш-ш-шь, что это значит? – Жнец замер, всматриваясь в пылающие глаза волка. Этот сумасшедший был готов драться и битва эта была не нужна, была запретна, но волк уже перешел грань, за которой можно было повернуть назад, он сжигал оставшиеся резервы своего тела, не оставляя ничего и не сожалея ни о чем. И результат боя предсказать не мог никто. Тем более, что клинок, призванный этим бешеным, мог ранить и бесплотных и бессмертных врагов. Пока не сломлен боец, не сломается и меч, зовущийся Сиянием звездной бездны.

– Знаю. – белый мягко развернулся, принимая классическую боевую стойку кендзюцу – Знаю. Решай, синигами-сан. Или битва или моя душа. В обмен на ее душу.

– Дурак… – Жнец опустил косу и покачал головой – Да будет так. Ты выбрал свою участь смертный – призрак смерти внезапно перестал шипеть и плеваться во время разговора – Опусти свой меч и готовься…

– Не здесь. – клинок в лапе волка опустился и истаял прозрачным дымком, возвращаясь в иные планы бытия – Сделай это не здесь. Тут дом врачевания и милосердия.

– Хорошо. Иди за мной… – Жнец развернулся и поплыл вдоль коридора обратно к выходу из больничного здания. Волк двинулся за ним, причем уже никто в приемном покое уже не обратил внимания, просто не увидел, как он покинул больницу. Правда, позже, уже утром, охранник обнаружил у себя на бедрах тяжелый и широкий байкерский пояс, с серебряными бляхами, а водитель Михалыч извлек из кармана неизвестно как попавшую туда зипповскую зажигалку. Никто эти вещи не терял и не искал, так что остались они у новых владельцев надолго.

Жнец только презрительно хмыкал, когда белый по пути к месту казни, оставаясь невидимым для глаз простых фуррей, ведь он уже был практически мертв, да и следовал за тем, кого просто так не увидеть, расставался со своими вещами. Помоечный котенок, нацелившийся было на мусорный бак, получил легкий подзатыльник и набитый купюрами портмоне, упавший из воздуха прямо под лапы. Перед носами парочки уличных музыкантов, устроившейся на скамейке с консервными банками в лапах, материализовался складень-наваха с дамасским клинком. И так до самого глухого уголка городского парка, до заросшей густой травой и окруженной со всех сторон деревьями и кустами поляны. На поляну белый вышел уже совершенно голым, раздав тем, кого повстречал по пути, абсолютно все, кроме серебряного кольца, сверкающего на безымянном пальце правой лапы. Он остановился, поднял морду к небу и, посмотрев на диск полной Луны, улыбнулся:

– Ну что же… Делай свое дело. Я исполняя договор передаю свою жизнь и свою душу в обмен на душу и жизнь моей

невесты. – волк раскинул лапы крестом, подставляя грудь под удар и замер.

– Ты еще можешь отказаться… – голос Жнеца внезапно наполнился давней печалью – Что тебе в ней? Она забудет тебя и не вспомнит больше. Тебя просто не будет. Ее жизнь может сложиться по-разному и тихая смерть во сне может оказаться для нее недостижимой мечтой. Подумай.

– Нет. Я ее люблю.

– У нее может быть очень жестокая судьба. А ты ничего не сможешь сделать. Не лучше ли просто уснуть и проснуться в лучшем мире? Ведь за ней пока нет серьезных грехов, а Судьи не так и жестоки…

– Нет. Я ее люблю.

– Ты выбрал. Какой же ты дурак… – лезвие косы со свистом рассекло воздух и крест-накрест рассекло грудь волка. Кровь залила белую шерсть и траву вокруг, а белый рухнул на колени, но все равно упрямо смотрел в глаза Жнеца – Пока еще есть возможность… Еще не поздно…

– Нет… Лю… блю… – посиневшие губы прошептали эти слова еще раз.

Костяная лапа Жнеца вытянулась из широкого рукава балахона и на ее раскрытую ладонь, проломив рассеченные ребра, вылетело из груди волка еще живое сердце, продолжающее биться.

– Ну же! Смертный идиот! Ты можешь еще все вернуть! Живи! Дыши! Ты полюбишь снова! У тебя будет семья! Щенки! Еще есть шанс!!!

Но обескровленные губы шевельнулись во все том же ответе, глаза волка закатились, а по телу пробегали судорожные волны агонии. Боль исказила морду, но даже практически мертвый он шептал лишь одно:

– Я ее люблю…

– Какой же ты дурак… – Жнец печально склонил голову и резко сжал пальцы. Сердце волка сократилось в последний раз и разлетелось кусками кровавого мяса по всей поляне, а тело дернулось и замерло, уже навсегда, бессильно завалившись на бок. А через секунду оно начало рассыпаться на мелкие искорки, на пылинки, пляшущие в лунном свете. Когда на поляне не осталось ничего, кроме примятой травы, Жнец ударил о землю рукоятью косы и, шагнув в тень, исчез.

На следующий день в больнице стоял переполох. Пациентка, которую уже отчаялись вывести из комы, неожиданно очнулась. Да не просто очнулась а, как оказалось, пришла в себя совершенно здоровой, словно кто-то влил в нее новые силы и наполнил энергией. Врачи просто не могли объяснить произошедшее и разводили лапами и лишь один из них, дежуривший в эту ночь, тихо, почти беззвучно произнес одно слово:

– Чудо…– которое было благополучно пропущено мимо ушей всеми присутствующими.

А еще через два дня внезапно поправившаяся белая волкофеня вышла на порог больницы с сумкой, закинутой на плечо, чтобы отправиться домой. Светило солнце и по небу бежали небольшие пушистые облака. Девушка легко спустилась по ступенькам и печально улыбнувшись, пошла по дорожке через больничный сад. Никто не заметил, что в тени стены, возле входа стояло две фигуры. Закутанный в балахон Жнец и одетая в длинную белую рубаху ангелица-норка.

– Идиот… Несчастный идиот… – Жнец провожал взглядом девушку – … Отдать все, ради любви… Просто идиот! Он же даже на суде повторял лишь это! И сам напросился на ЭТО наказание…

– Ну почему же, Джек? – норка мягко улыбнулась – Пожертвовать собой ради любимой и стать ее хранителем, разве это наказание? По-моему он счастлив.

– Да? Он никогда не сможет ее коснуться. Никогда не сможет ей ничего сказать. НИКОГДА! И ничего не сможет изменить. Всегда безмолвный, всегда одинокий. И будет видеть дело лап своих. И когда она полюбит. И когда родит щенков. И когда состарится. А он будет молча биться о стену между явью и навью и никогда не соединится с ней.

– И опять ты ошибаешься, бедный, мрачный мой Джек… – ангелица коснулась костяной лапы Жнеца – Он всегда будет с ней. Всегда будет оберегать ее. Навсегда останется ее защитой. И они встретятся, обязательно, на том берегу. – она снова мягко улыбнулась – Ну все, нам пора, до свидания, милый! – хлопнули белые крылья и ангелица растворилась в солнечном свете.

– До встречи, любимая моя… – прошептал Джек и шагнул сквозь тень, тоже покидая этот бренный мир. До срока, до очередного задания.

По аллее шла девушка, и на ее лапке поблескивало два серебряных кольца. Она знала, она чувствовала, что они значат и почему их два. Она встряхнула роскошными волосами, взмахнула хвостиком и вышла за больничные ворота. А за ее правым плечом неслышно и незримо вышагивал огромный призрачный волк с разноцветными глазами и алым узором на морде. Навечно любящий, навечно проклятый и навечно благословленный.

Мантс

https://vk.com/vdpon

Предлагаем вниманию пушистых читателей новые рассказы Мантса из его вселенной Общего мира и пансиона Азеркин, где под одной крышей живут самые разные постояльцы из множества миров: драконы, волки и другие сказочные существа, иногда похожие внешне на обычных людей, но душой являющиеся кем-то иным. А так же их друзья и те кому нравится жить бок о бок со сказкой, по несколько иным правилам, чем за стенами этого дома.

Помимо представленных здесь рассказов, очень рекомендую ознакомиться с сериями "Рухгерт Штерн", "Назар Жындыулы", "Гренфеллы" и другими, повествующими о разных судьбах и событиях в этом и смежных мирах. Все эти рассказы можно найти в авторской группе ВК: vk.com/vdpon

Дорога в Сосновый

Велоповозка остановилась перед массивными воротами, съехав с дороги. Сырые в этом хмуром еловом сумраке, замшелые, окованные полосами железа, преграждали путь тяжелые створки. Бревенчатый забор с дощатым козырьком возвышался неприступной стеной и обоими торцами упирался в скалы. Дальше – дикий лес и звери. Крупные, опасные хищники, в голодные годы готовые рискнуть и растерзать путешественника. И их молодняк, ещё не усвоивший, что путников лучше не трогать, и потому опасный даже в сытые времена.

Над воротами – предупреждающие знаки о том, что с дороги сходить нельзя. Перечень ароматов и звуков, отпугивающих местных зверей. На воротах – ящик с патронами и аптечка.

Рух посмотрел на домик лесника и встал с седла - никто не вышел навстречу. Зак поставил стояночные тормоза и слез следом. Стоило отдохнуть, впереди был опасный и трудный участок пути.

Конечно, они могли поехать на велосипедах, разместив груз на багажниках и на прицепах – это было бы маневреннее и быстрее. Но если надо перевезти нетяжелый и объемный груз, есть напарник, а еще лучше – смена, едущая рядом, то велоповозка это то, что нужно. Сиденья подстраиваются под любой хвост и размах ноги, багаж прикрыт брезентом от непогоды, большие колеса уверенно идут по неровной земле. Правда, не очень быстро, от зверей не убежишь, как впрочем, и на велосипеде.

– Ну что, трещотки в колёса, колокольчик на раму, или будем петь? – Спросил Рух, забравшись по лесенке на стену и глядя вниз, на уходящую в чащу дорогу.

Зак поморщился:

– Если не устал и хочешь тормозить колёса, можно и трёщотку. Сам потом спицы менять будешь. Колокольчик доконает в дороге, эта колымага и так хорошую музыку выдаёт. Надо будет перебрать на досуге. Давай лучше песни, распугаем всех зверей вокруг.

Грифон усмехнулся, нервно подрагивая кисточкой хвоста. Пасмурная серость среди темной хвои и каменная тишина ему не нравились. Не тот лес, чтобы наслаждаться тишиной. Вроде бы за воротами никто не ждёт, чтобы выпрыгнуть из кустов и съесть, но от ворот и воняет той же дрянью, что заряжена в патроны. И где тот весёлый и сильный аромат, что был на въезде под полог деревьев?

Нет, звери были на самом деле не так страшны. Со всей округи серьезно страдала пара человек в год, и то, если сходили с дороги или шли во время гона, или без защиты, да ещё и в одиночку и в темноте.

Дороги людей помечались запахом, сами люди шумели при движении, и лесные обитатели держаться подальше. Те, кто был неопытен, получали заряд едкой вонючей смеси, отбивающей нюх, заставляющей чихать, и вызывающей стойкое желание не лезть больше к двуногим. Особенно если они на колёсах – их скрипящие, грохочущие, пахнущие жиром и металлом вещи тоже умели плеваться мерзкой штукой. А совсем необучаемых и голодных иногда встречали стрелы и пули. После того, как каратели расправлялись с кем-нибудь в стае, у остальных зверей запах намертво ассоциировался со страхом и вызывал его.

Зак достал из-под брезента посылку для лесника и отнес в избушку. Ни единого звука, кроме шороха шагов по каменной дорожке среди зеленого чистого простора кукушкиного льна, да легкий стук деревянной ступеньки и скрип двери. Молодой лев скрылся в темноте, но через

несколько мгновений белобрысая голова снова появилась в проеме:

– Чайник еще не остыл, перекусим, или за следующим забором?

– Давай подкрепимся, потом будет не до того.

До чего вкусны пирожки, когда они только из печи, или со сковороды! Но любая еда, даже остывшая, становится непередаваемо вкусной на свежем воздухе, после того как хорошенько поработал. Ребята сидели на крыльце, уплетая выпечку и запивая брусничным чаем из захваченных в дорогу кружек. Фляги с домашними напитками ещё пригодятся в пути, а лесник, который обычно угощал путников, улыбнётся оставленному гостинцу и записке.

Подкрепившись и немного передохнув, друзья сказали «спасибо этому дому» и пошли к повозке. Бегло осмотрев и проверив основные узлы, Зак достал из-под брезента яркую красную бутыль, плотно закупоренную металлической пробкой и завернутую в тряпицу. Перевернул её и вставил за своим седлом в держатель, после чего поработал рычагом и нагнал давление в системе разбрызгивателей.

Рух проверил отцовскую «перечницу» в кобуре, старый револьвер, из которого давно никто не стрелял пулями, и, вздохнув, начал открывать ворота, пока Зак раскручивал педали. Через некоторое время, тронувшись с места с помощью маховика, велоповозка преодолела надежные укрепления. Когтистые руки тщательно задвинули все засовы, замотали цепи и зафиксировали все запоры, и напоследок на створку легла горячая ладонь.

Впереди был мрачный ельник, с низкими разлапистыми ветками, моховой тишиной и опасностью за каждым стволом. Не самая приятная дорога, если постоянно бояться ожидающей за деревьями стаи или вышедшего навстречу громилы, что будут с любопытством рассматривать тебя и решать, голоден он или нет. А ещё дорогу может загородить упавшее дерево, и ты потратишь полдня, орудуя пилой и топором, чтобы продолжить путь, подставляя открытую спину лесу. Но за этим ты и выехал с утра, ведь так?

Впереди ждала проверка себя и друга, в котором и так не сомневаешься. И несколько часов песен, за которые можно распеться и научиться петь красиво, если, конечно, хватит дыхания, пока крутишь педали.

Большие колёса шелестели по лесной дороге, и шелест тонул в густой хвое. Серебристое мельтешение спиц почти не мешало обзору, когда взгляд уходил в сторону – матовая поверхность не давала ярких бликов. На раме позвякивал бронзовый колокольчик. Песни были спеты, души приведены в порядок, и настроение сменилось на внимательно-осторожное.

Они проехали мимо страшного чудовища из детства – корней поваленного дерева, что всё ещё возвышались огромной тенью с кучей жадных щупалец.

Они вымотались на подъёме в горку и чуть не убились на спуске, когда на дорогу выскочил заяц.

Они пересекли мост через овраг, темный, сырой, рокочущий горным потоком меж камней.

И когда уже начало казаться, что дорога легка и осталась пара ориентиров до безопасного Соснового, ребята увидели их.

Легкий эскорт повозки, быстрая поступь, мельтешение длинных лап сливалось с мельтешением спиц. В паре метров от дороги, за деревьями, в кустах и папоротниках, неслышно и неотвратимо легкой поступью бежали звери. Хищные звери.

– Зак…

– Вижу.

Эскорт шел с двух сторон, непринужденно опережая и беря в кольцо. В сумраке леса блестели клыки и сверкали глаза. Жадное дыхание словно вбирало весь кислород из воздуха, и на какое-то мгновение Рух ощутил, что руки и ноги немеют от страха, а хвост того и гляди непроизвольно дернется и попадёт в механизм.

Но вместе со страхом пришло то, что он определял для себя как спокойствие. То же самое чувство было у него ночью, когда он увидел из окна пожар, прошептал «нет, не может быть», а потом бросился со всеми его тушить. Совсем не думая, или, вернее, не проговаривая свои мысли в голове, работая напрямую.

Разумеется, им было не уйти, но и погони как таковой особо не было. Скоро кто-то перегородит дорогу, или проводит до места, где с одной стороны – скальная стена, и прыгнет на голову, неуязвимый для разбрызгивателей повозки. Пожалуй, в следующий раз нужно поставить тент.

- Готов отмываться в бане? – спросил Рух, извлекая перечницу из кобуры и проверяя нож.

- Готов заказать себе саблю для таких случаев? – ответил Зак, отцепляя от багажника топор.

Фелин переключил передачу, повозку тряхнуло, и в днище заработал маховик, собирая энергию движения и тормозя драндулет до осторожного шага. Ещё один ход рычага, и маховик отсоединён от колёс. Ноги убраны с педалей, бритая рука лежит

на кнопке, способной превратить легкую добычу в едкое облако.

Где-то вдалеке выдолбил трель дятел.

Шины, тихо шурша, медленно затихли.

Три зверя вышли на дорогу впереди, двое – сзади. Ребята сидели спина к спине, боком к движению, глядя между колёс, отмечая боковым зрением перемещение силуэтов. И почему повозка не клетка? Ах, да, вес.

Зак, напряженный, как сжатая пружина, сказал только одно слово:

– Пли.

В безветренном лесу пронзительно-ярко запахло апельсинами. С боков повозки, с багажника, с передней рамы расцвели маленькие цветы водных брызг, забили струйки ароматной жидкости. Два друга стояли на повозке, высокие, с оружием в руках, готовые к нападению. Звери на дороге заколебались, некоторые начали чихать и пятиться. В конце концов, важен был не сам аромат, а тот урок, который с ним связан. У многих сработала память.

Какое-то движение под ветками – желтая рука отреагировала быстрее, чем сам грифон разглядел два силуэта. Раздался выстрел, и один комок зубастых мышц споткнулся и с визгом ударился о колесо. Второй, открыв пасть, летел мимо пистолета прямо к горлу пернатого. Пушистый бок проходил так близко от вытянутой руки, что его можно было погладить. Острые зубы приближались, и Рухгерт, словно бы в клубе фехтования, рефлекторно наклонился в сторону, отталкиваясь от молодого хищника и тем самым разворачивая его в полете.

Пасть клацнула у плеча, но не задела даже рукав куртки. Заккори не успел поддать топором, когда обескураженный зверь пролетел мимо, извиваясь и изо всех сил стараясь приземлиться не кубарем.

Визг, удар, шипение разбрызгивателя и позорное бегство с поджатым хвостом. Два парня, стоящие в боевой стойке, недвижимые, оскалившиеся, только хвосты мечутся и бьются кисточками.

Шипение распылителей плавно сошло на нет. От ядрёной вони резало глаза, но Рух не менял ясный взор на мутную пленку третьего века.

Кто-то из зверей скомандовал отступление, и вся стая убежала направо, обходя повозку на почтительном расстоянии. Один зверь задержался перед тем как нырнуть в лес, и посмотрел на ребят с тем, что на морде Найтела сошло бы за улыбку. Рух кивнул зверю, тот ухмыльнулся и скрылся в лесу.

Дорога была чиста.

– Прикрой, я заведу эту штуку.

Фелин плюхнулся в седло, накачал бак разбрызгивателя, и только после этого добавил вращения маховику. Два диска, вращающиеся в противоположные стороны в днище повозки, неспешно набрали обороты, чтобы подтолкнуть тяжелую конструкцию.

– Готов. Они ушли, поехали.

Грифон спрятал перечницу и со вздохом облегчения спустился в седло, поймал ногами педали.

– Знаешь, с каждым разом я думаю, что как обычно проеду и даже не замечу зверей, и каждый раз всё ближе их вижу, и снова начинаю бояться. Тут вот, погладил даже, и уже не так страшно. Чувство, как будто бы они просто тренировались, а мы им помогли учиться.

– Ну, мы их научили, что к нам лучше не лезть. Не нас, так вонищу и неудачу точно запомнят. Главное чтобы связали это в своих головах. Двигаем отсюда, пока совсем нюх не отшибло.

Дернувшись, повозка продолжила свой путь. Впереди был Сосновый, в котором друзей ждали светлые леса, добрые знакомые, песок и скалы, кедровые орешки в меду, изучение ремёсел, а главное – ночёвки вне дома, возможность здорово провести время и отдохнуть от всего, что накопилось на душе.

– Что первее, отпилить себе уставший зад или отмыться и получить шанс погулять с девчонками?

– Убедиться, что на обратном пути тебе не дадут вместо апельсина экстракт смородины, - ответ Рух.

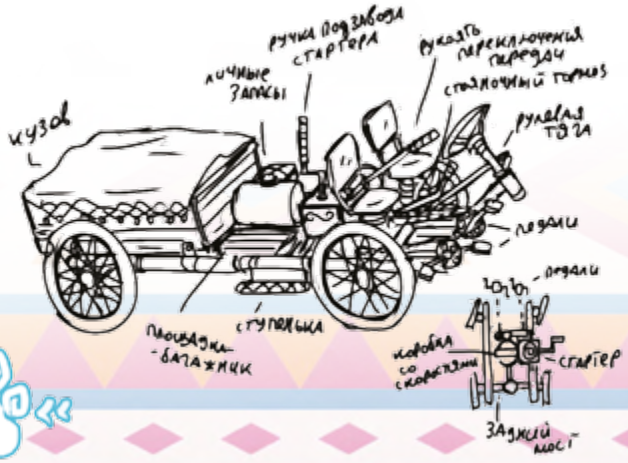
– Это только вы думаете, что она воняет нашей мочой!

– Иты тоже так считают, хотя их нюх гораздо тоньше.

– Давай тогда не тратиться на эту дрянь, я произведу сколько хочешь жидкости для отпугивания зверей.

– Иди-ка ты с таким энтузиазмон на шакшевании поработай!

Да, впереди было много интересного и приятного, и лето улыбалось, маня своей мягкостью успеть всё на свете.



Сосновый

Когда едешь в Подгорный, то не важно, с какой стороны прибываешь, город открывается перед тобой издали, волшебной сказкой среди величественного пейзажа. На фоне громадных гор, когда едешь на поезде, на фоне бесконечных уходящих вниз лугов и долин, когда приходишь с севера, на открытом лугу, если выехал к нему из леса.

И ты всегда можешь понять, что вот она – граница. За защитными сооружениями от селевых потоков, за забором, за воротами, за дорогой, за речкой – где проведёшь, где для тебя она видна.

С Сосновым всё иначе.

Когда едешь к нему из Подгорного, то замечаешь, как начинают меняться скалы. Останцы других геологических эпох, подпертые снизу новыми скалами, отброшенные в сторону молодыми горами, подобно старой шкуре, что слезла со змеи. Обветренные, выветренные, обточенные дождями до гигантской гальки, расколотые, потрескавшиеся – вот какие становятся скалы. Они идут огромными намощенными стенами по хребтам, словно бы сложенные великанами, и торчат и не то пальцами, не то башнями-дозорными на отдельных горах.

Со скалами меняется и лес. Иная высота, иная ориентация склонов на стороны света, другая влажность. Новый климат. И вот, темный и тихий ельник сдаёт позиции, появляются свечки сосновых стволов, становится дальше видно.

Плавно и неспешно хвойное разнообразие переходит в разнообразие сосновое. Вон там появляются могучие кедровые сосны, тут, на термальном источнике, приютились южные приморские сосны с огромным пушистыми иголочками. Дома у горячих источников – последний ориентир, но граница это города или нет – поди разбери. Город не открывается виду, пока ты едешь по лесу, и не прячется за деревьями. Он просто стоит, и ты внезапно обнаруживаешь, что мелькавшие крыши и стены – это на самом деле уже город, и едешь ты едва ли не по главной улице, под крышей сосновых веток, по дороге, посыпанной хвоёй и шишками.

Пожалуй, это один из лучших способов попасть в Сосновый, поразиться его зелени, укрытости от ветров, солнечной мозаике на домах и заборах, уюту, и, не успев задаться вопросом о достатке витаминов и света на грядках, выехать к горному озеру.

Велоповозка, кренясь и скрипя на поворотах, добралась до почтовой станции. Парни аккуратно заехали во двор, грифон соскочил с сиденья и отсалютовал вышедшему навстречу почтальону:

– Рухгерт Штерн и Заккори Натаниель с транспортом из Подгорного!

– Добро пожаловать в Сосновый, ребята, – улыбнулся панголин, - а тебе, Штерн, привет от сестры.

У Руха ёкнуло в груди.

– Она здесь?

– Была тут позавчера, вовсю тренируется с другими фералами. Просила передать, что ночное ориентирование сдала на отлично.

– Здорово, папа будет гордиться! Повозку разгружать? Вот перечень, что и кому в ней нужно отдать.

– Да, спасибо за помощь, склад вон там, ставьте всё в угол справа от входа, я потом разнесу по домам. Те мешки, что поедут дальше, поставьте слева.

– А не проще ли отвезти сейчас? – спросил Зак, вставая с сидения и разминая ноги, – Пока всё упаковано и в телеге?

– Вам разве не надоело за сегодня крутить педали? – улыбнулся почтальон, – Тут не всё для этого города, что-то поедет дальше. Через час должен придти еще один транспорт, часть ему, часть его писем – сюда, а вечерком я развезу всё это по городу, чтобы не бегать дважды. У вас как с оплатой, по возвращению всё, или половину отдать сейчас?

– Сейчас, пожалуйста, – улыбнулся фелин, перетаскивая свёртки, – у нас завтра целый день, чтобы погулять. А ещё за небольшую плату я могу перебрать вам повозку, некоторые узлы просят чистки и смазки.

– Хорошо, забегай, как будет время, но чтоб послезавтра выехали вовремя, или вы больше не почтальоны.

– Договорились!

Друзья получили деньги, подхватили оставшиеся в багажнике рюкзаки и вышли в город, ещё не привыкшие к ходьбе после многочасовой поездки.

В сторону от озера, по извилистой крутой дорожке, к огромным цистернам, заменяющим водонапорные башни, но не доходя до них, а сворачивая в маленький проулочек, к каменному, по пояс, заборчику и саду с красивой мозаикой и солнечными часами.

Дальний конец сада был на краю обрыва, и с него открывался просторный воздушный коридор, через который могли прилетать грифоны-фералы. В другом конце сада, частично на соседнем участке, стоял большой дом, в котором жили три пернатых семьи.

Почти все они были родственниками Рухгерта по материнской линии, бабушка с дедушкой, двоюродные и троюродные дяди и тёти, и, как у него в семье, у них тоже были крылатые дети. По вполне понятным причинам, четырехлапые крылатые грифоны обычно выбирают в спутники жизни таких же четырехлапых крылатых, чтобы вместе летать и одновременно стареть. Но бывает, что пара не похожа друг на друга, и он или она остается жить дальше и заботиться о детях, которые так же могут быть крылатыми или двуногими.

Двуногим проще строить дома и держать хозяйство, не давать «классическим», как их называют бесхвостые, грифонам одичать, помогать им быть частью общества. Таким проще держаться большими семьями, присматривая друг за другом и протягивая руку помощи там, где это нужно.

Ребята остановились у калитки, на которой был пёстрый, видимый издали флаг, сообщающий всем путникам, ищущим ночлег и ужин, что в этом доме можно остановиться за определенную плату.

Если путешествовать по Общему пешком, на велосипеде или на редких и невообразимых попутках, то есть грузовиках, грузовых поездах и гужевых телегах, словом, без комфорта, но с приключениями и возможностью изменить маршрут где захочешь, то такие дома – отличное подспорье. В некоторых за ночь с вас возьмут денег, и это проще и неинтереснее всего, к тому же, истощает карман путника. В некоторых домах, как этот, тоже могут взять деньгами, но чаще всего попросят поработать: помочь в саду или на кухне, или со стиркой постельного белья от предыдущих гостей, с выбиванием ковров, или ещё чем-нибудь, не требующем большого мастерства. Впрочем, некоторые жители готовы впустить к себе за беседу и интересные рассказы, если такие есть, и если на то есть настроение.

Среди молодёжи упорно ходят слухи, что есть особые, редкие знаки на флагах, касающиеся способов оплаты. Может быть, это выдумки бесхвостых о фелинах и панголинах, но последние считают, что это грифоньи байки для компенсации своего образа жизни.

Так или иначе, флаг на калитке повторял узор на крыше и не требовал от путников ничего особенного, как и не предлагал необычных условий: место на ночь и ужин за деньги или работу. Рух положил руку на калитку и посмотрел в сад.

– Макс! – Грифон помахал рукой белому сородичу, что ходил между грядок. Парень лет на пять старше Рухгерта махнул рукой, приглашая зайти, поставил ведро у дорожки и вышел навстречу гостям.

– Рух, Зак, рад вас видеть! – Рукопожатия, переходящие в объятия с похлопыванием по спине, – Мы вас ждали, получили письмо, постарались сместить график работы, чтобы все-все-все собраться. Ну, почти все. Вы со спальниками? Ну ладно, а то постели готовы, не спрашивайте, где, я ушёл работать ещё до того, как девчонки пришли к согласию. Можете сбросить вещи у меня, не получите от бати крылом за потакание девчачьим фантазиям. Вы голодны или не очень? Мы-то уже пообедали несколько часов как. Присядете после долгой дороги и набьёте желудки до отвала под тысячи вопросов, или сперва вместе поплаваем? Мы собирались на озеро, заодно освежитесь с дороги, апельсиновые вы мои. Или окатить вас из шланга?

- Спасибо, - ответил Рухгерт, проходя с ним через сад, - не то чтобы я не хотел дать ногам отдых, но и сидеть пока не особо смогу. Давай сбросим вещи у тебя и поздороваемся с остальными, а там может быть и на озеро.

– И если есть чем помочь – скажи, – добавил Зак, оглядывая двор.

– Ну, за этим не заржавеет, – засмеялся Макс.

Озеро было глубоким и холодным в середине, но у берега спуск был пологим, и вода прогревалась достаточно. В одном месте даже был сделан лягушатник для маленьких детей, чтобы они плескались и учились плавать, не боясь утонуть. Песчаное дно с галькой приятно массировало ноги, солнечные блики били в глаза, а девчонки начали брызгаться водой.

-Ай, нечестно! – Завопил Рух, когда его окатило сквозь шерсть холодными брызгами. Зак же просто нырнул с головой, став неуязвимым для обстрела.

– Брызгай его! Мокрая курица! Мокрая курица!

– Ах так?! – Рухгерт зашёл в воду поглубже и стал стругать водную гладь ладонями, направляя мощные потоки мокрых «стружек» на грифонов, что жили вместе под одной крышей.

Среди искрящегося безумия раздался визг и всплеск – за спиной у грифонессы всплыло ухмыляющееся во все клыки чудище с налипшей на морду гривой, и дернуло пернатую за ноги, окунув с большим всплеском в холодную тишь.

– Лазутчик! Вот тебе за Юльхен! – заработала на манер Рухгерта младшая из оставшихся, пока Макс нещадно теснил того ураганом брызг. Рух прикрывал лицо, чтобы дышать, и щурился, едва отбиваясь, а потому

упустил момент, когда точно так же к нему сзади подплыла Юля и схватила за ногу. Синее небо сверкнуло в глазах и скрылось за серебристыми волнами. А потом ещё раз. А потом ещё не раз, когда они ныряли с плеч друг друга и соревновались, кто дольше просидит под водой и кто дальше проплывёт, пока не промёрзли до трясучки.

Ещё до того как компания поднялась по тенистым хвойным улочкам обратно на гору, холодно не было уже никому. Макс болтал без умолку, делясь разными новостями и историями об останавливающихся путниках, а народ всю дорогу слушал его и пинал друг другу попавшую под ноги шишку.

- И представь себе момент, когда вечером к нам залетает дядя Густав, Свен, его друг Рудольф с Марией, и все в форме, кто в почтовой с сумками, а кто и в боевой с дротиками и сетями, кружат над домом и заходят на посадку. А я киваю в их сторону и говорю компании мутной молодёжи, что просится на ночь скорее не из-за путешествия, сколько из желания остаться наедине друг с другом подальше от дома, мол, вон, ребят, вот вам работа прилетела, раздеть, помыть, расчесать, накормить и развлечь. Их только пятки сверкали!

– Максимилиан, у тебя в роду точно не было попугаев? – поинтересовалась Юльхен, – ты рассказываешь эту историю уже раз тридцатый за последнюю неделю.

– Только если с твоей стороны, моя дорогая двоюродная сестра, задающая этот вопрос уже несколько лет. Дай тебе волю, и ты вытащишь все вкусные истории из наших гостей раньше, чем мы соберемся за ужином, о чём нам тогда с ними разговаривать? И зачем им повторять свои рассказы ещё и родителям, когда они расскажут всё нам?

- Тогда давайте засмущаем их сейчас, глядишь, не придётся прижимать уши за столом, - предложила Грета, притираясь к плечу Рухгерта, - пусть парни расскажут, не нашли ли они себе девушек.

Рух прижал уши, и компания дружно засмеялась.

– Не уверен, что переживу ответ, если поинтересуюсь, зачем ты это хочешь знать, – пробормотал Штерн, чувствуя, что уши пылают от прилившей крови.

Макс развернулся и пошел спиной вперёд, чтобы не пропустить представление, в которое с радостью включился:

– А почему бы любопытной четырнадцатилетней фройляйн, которая к тому же тебе не родственница, не поинтересоваться такой волнующей деталью биографии хорошего надёжного парня немногим старше себя, который со своим другом бесстрашно отбился от целой стаи зверей и не расхваливает себя за это, а скромно молчит, да ещё и привёз ей и своей девятнадцатилетней троюродной сестре в подарок самоцветы из родного города?

У Руха от удивления поднялись брови. Он сглотнул и покосился на Грету.

- Можно я сделаю вид, что не расслышал вопроса и тем более его объяснения?

- Тогда не обижайся, что девушки будут весь оставшийся вечер уделять внимание более смелому и решительному Заккори, который не робеет и не тушуется в таких ситуациях. Хотя, готов поспорить, у него в каждом городе есть девушка, а то и не одна.

Зак сверкнул на это глазами из-под очков.

– Маль-чи-ки! Фантазёры! – громко произнесла Юля, – А ещё считаете нас с Гретой выдумщицами. Ни родственные связи, ни разница в возрасте, ни даже разница в виде не помешают нам оттачивать на вас своё обаяние, а если кто-то будет возражать – ещё и кулинарные навыки. И Заку не нужно будет волноваться, что его кто-то может приревновать, даже если он того захочет. Но ваше воображение! Ещё угадай, у кого ярче, у сдержанных грифонов или темпераментных фелинов. Стоит лишь страстно сверкнуть глазами, переплести хвосты, прижаться и горячо прошептать на ухо любую несуразицу, и они – твои с потрохами.

Юльхен изобразила всё это на фелине, провела кончиком клюва по его львиному уху и проурчала так, чтобы все слышали:

– Приходи сегодня ко мне, только ты и я, но можем позвать Грету, если тебя хватит развлечь двоих. Я буду ждать тебя на кухне, надо почистить два тазика овощей и нашинковать три кочана капусты на ужин, у нас большая семья, и к вечеру прилетят крылатые.

Грифонесса подмигнула Заку и засмеялась, а за ней и остальные. Фелин вежливо улыбался, и присоединился к общему веселью, только когда Макс навернулся на кедровой шишке.

Когда компания вернулась, ушки, или для остальных бабушка с дедушкой, трудились в огороде и вручили проходящим мимо внукам ведро свежей моркови и пару огромных кабачков, а потом пришли на просторную кухню помочь с готовкой, благо молодая компания, гвалтя и смеясь, лихо управлялась с чисткой и нарезкой овощей, и уже поставила мясо для рагу. Работа спорилась, беседы текли, и время летело незаметно. А когда небо изменило свой цвет и солнце стало касаться горных хребтов, Макс позвал Рухгерта и Зака на улицу.

– Смотрите, сейчас прилетят.

Шумели на ветру сосны, в рыжеватом небе кружила большая стая птиц. Но вот стая разделилась, точки стали расти и приближаться, превращаясь в большие тени с огненной окантовкой. Играя на ветру, спокойно планируя или крутя бочки и петли, на просторную площадку во дворе приземлились, хлопая огромными крыльями, чёрный как ночь Густав - отец Юльхен, Свен – брат Макса, полярный Герман и тигровой окраски Клара – его родители. Последние принесли сеть с разными разностями для завтрашнего ужина.

– Ну, теперь у нас полон дом, хотя половины всё равно не хватает. Если будет слишком шумно, можете заночевать в гостевом сарайчике. Рух, не забывай дышать, ты же не первый раз видишь их прилёт.

Первый этаж просторного дома был для крылатых грифонов. Большие комнаты, широкие проходы, высокие потолки, минимум мебели и вещей, которые можно случайно смахнуть. Минимум уборки.

Общая столовая, она же и гостиная, вмещала в себя всех обитателей дома и желающих присоединиться к трапезе гостей. Для Зака не было сюрпризом, что крылатые машины смерти, лихо управляющиеся с оленем или в пару секунд съедающие сырого кролика, могут сидеть за столом вместе со всеми и пользоваться приборами, аккуратно кушая из тарелок. Но одно дело – Хель, а другое – целый дом грифонов разных возрастов, от стариков до подростков. Зак на секунду испытал странную неловкость от того, что у него не было клюва. Раньше он приезжал сюда, когда обитателей было поменьше.

Но через некоторое время неловкость прошла, разговор зашёл о новостях из Подгорного, драконах, планах на будущее, путешествиях в другие города и прочем, прочем…

Отголоски всех дневных и вечерних бесед смешивались с увиденными картинами дня и превращались в плавно надвигающиеся обрывки снов. Фелин снял очки, и высокий потолок, или изнанка крыши, если быть точнее, потеряла резкость, а с выключением света – цвет. Над головой в воздухе висели балки и брёвна, уходя под самый свод двускатной крыши – над этой частью дома она была такой.

Умеют же некоторые жить дружно. Может, потому что у них большой дом? Нет, зная алчного отца, даже в таком огромном доме было бы тесно и не хватало бы комнат. Может быть, иначе грифоны просто пропадут? Тоже нет, для его родственников выяснять отношения и подчинять других было важнее результата любого дела. Точнее, это было самым главным результатом, неважно, шла речь о том, чтобы забить гвоздь или воспитать ребёнка. Словно стая диких итов.

В чём же секрет? Неужели они просто уважают друг друга? Как такое вообще возможно, тем более, внушить уважение к себе маленькому ребёнку, и не мешать его самостоятельности и свободе мнения?

Зак тихо вздохнул. Его семье позволили жить в Дачном, или, для него, Общем, и иметь детей без получения гражданства и родительских прав. Наверное, это сделали только затем, чтобы иметь под рукой отрицательный пример, и получить в его лице ярого сторонника местных порядков. Его семья хорошо справлялась со своей ролью, а Зак изо всех сил старался стать хорошим гражданином, превозмогая себя и влияние своих близких.

– Спишь, львиная морда? – Раздался шепот за головой.

– Чего тебе, пернатая башка?

– Ты сейчас кому из нас ответил? – Донеслось с другой стороны.

– Тому, кто спрашивал, Макс. Чего сами не спите?

– Думаю о том, как вас завтра развлечь. Подняться в горы поиграть в снежки, или порыбачить с лодки?

– У меня завтра пара часов на ремонт повозки, а дальше я ваш.

– Что, даже не захочешь ни к кому заглянуть в этом городе? – раздался четвертый голос, принадлежавший Юле.

– С вами приятнее. Без Руха я бы вряд ли вписался в эту компанию, так что ловлю момент.

– Можешь заходить, когда захочешь. Мы принимаем на ночь всех, кто вменяем и не отказывается помочь по хозяйству. К тому же, ты приятный собеседник и наш давний знакомый, не стесняйся.

– Спасибо. Если вдруг буду проездом без отца, или съеду из дома – вы и Сосновый на первом месте в списке, – с улыбкой ответил Зак.

Они поболтали ещё несколько раз, завершая беседы дежурным «спокойной ночи» и возобновляя разговор, пока, наконец, все не уснули.

Утро пришло пением незнакомых птиц. В чистом воздухе не было заметно танцующих пылинок, впрочем, говорить наверняка без очков Зак бы не стал. Дом большей частью ещё спал, лишь где-то на кухне вовсю готовился завтрак: пахло едой и доносился звон посуды. Фелин огляделся:

Макса и Рухгерта не было, Грета тоже ушла.

– Привет, – янтарного цвета глаза улыбнулись в полумраке чердака, – как спалось?

– С добрым утром, Джулия, – Зак улыбнулся и потянулся за очками, - хорошо, спасибо. Ждала меня, или сама только проснулась?

– Планировала разбудить, но ты лишил меня этого удовольствия. Пойдём умываться, да побродим по саду, нагуляем аппетит. В обед дежурим по кухне вместе, потому что сейчас ребята справляются на всю стаю.

Стройная грифонесса потянулась и рывком встала с постели. Повиливая хвостом, она скрылась за углом, чтобы переодеться, и выглянула сказать:

– Догоняй, летний умывальник во дворе.

При всём желании Зак не смог так же быстро вскочить – лишь улыбнулся вслед и вылез по пояс из спального мешка. День начинался приятно.

Фелин успел перебрать велоповозку и отмыть от смазки коротко бритую шерсть на руках ещё до того, как развеялась утренняя прохлада. Крылатые улетели до вечера, а некоторые из них – вообще на несколько дней, и готовить пришлось в разы меньше. Впрочем, готовила больше Юльхен, мельтеша по кухне маленьким полосатым вихрем, пока Заккори работал ножом. Рух хотел присоединиться и помочь, но Макс поймал его за хвост и утащил копаться в огороде, пока не стало совсем жарко.

Полуденная сиеста пахла сосновой смолой и была такой же солнечной, густой и липкой. Город внизу затих, не было даже ветра, только сходили с ума кузнечики, да надрывались редкие птицы в тени ветвей. Чердак, где ребята наслаждались ночной прохладой, стал духовкой, там можно было спечься до хрустящей корочки за пять минут. Залитый солнцем сад манил фруктами и сочными ягодами, но не давал прохлады. Прячась в тени дома и поклёвывая собранные ягоды, ребята неторопливо разговаривали, занимаясь рукоделием, пока часть народа не ушла в дом подремать. На улице остались Рух, он что-то рисовал в оранжевом блокноте, и Грета, тихонько перебиравшая струны гитары.

– Я думала, ты приедешь этим летом учиться строительству, остановишься у нас на недельку или две, а то и на всё лето.

– Да, я тоже так думал, – Рух закрыл блокнот и спрятал его в карман, – но внезапно нашлись срочные дела, помогал дяде Эвору, познакомился с новыми людьми, и закрутился.

– А Макс говорил, что ты надёжный… – гитара издала расстроенный звук и спокойная мелодия сорвалась.

– Я не обещал, что буду здесь, а только рассматривал возможность. Не вышло, значит в другой раз или в другом месте. В любом случае, я не отказываюсь от учёбы.

Грета пожала плечами и сменила мелодию.

– А не чувствуешь ревность или обиду, или быть может зависть, что Юля с утра гуляла с Заком и сейчас ушла с ним?

– А должен? С ними Макс, я в них не влюблён, умею выносить собственную компанию и не думаю, что с ними что-то случится. Хотя о ком это я, о фелине и девушке, у которой подруги фелины? Ха! В любом случае, Зак не привык к вниманию грифонесс, а Юльхен человек с характером и может завязывать ему мозги узлом, пока не надоест одному из них. Пусть общаются, не моё дело, - Рух усмехнулся внезапной мысли, – это тебе, если что, с ними жить.

Мелодия не изменилась, струны не брякнули возмущенно, только Грета печально вздохнула:

– Знаешь, ещё одна пара рабочих рук тут бы не помешала.

– Верю. Но это не повод кидаться на каждого человека с руками. Крылатые умеют друг о друге заботиться, тебе не нужно сидеть с ними весь день. Ушки тоже помогают, и с их любовью к труду, будут помогать ещё долго, в отличие от моего второго деда. Макс с Юлей успевают работать, и не пропадут. А ты успеваешь учиться.

– Легко тебе говорить… - Чёрные когти особо звонко подцепили струны, выводя тоскливую песню.

– Я просто привык и смирился. Возможно, мне придётся воспитывать племянников, а не своих детей, а может родители справятся сами, и мне нужно будет через пару лет куда-нибудь съехать, освобождая место для сестры и её будущих детей. Чем больше я научусь делать сейчас и больше узнаю, тем больше у меня будет выбора, да и просто возможности кем-то стать и найти себе место. Тем приятнее и интереснее жизнь я могу себе выбрать. Всё просто ровно настолько. А пока я ловлю моменты и радуюсь тому, что есть: Хель на учёбе, я у вас в гостях, в моей жизни стало больше приключений, а мечты сбываются странным образом. Иногда это требует больше сил, чем у меня есть, но я пока справляюсь. А ты красиво научилась играть с прошлого года.

- Спасибо, Рух. Это потому что у меня на душе много того, что я не могу выразить иначе.

– Много хороших произведений появилось именно так, - улыбнулся Рух.

– Тебя послушать, так будто бы говоришь с дедом. Мысли все вроде бы умные, но с чувствами не сходятся ну никак. Пожалуй, ты для меня староват, – улыбнулась Грета, убирая гитару, – я почему-то запомнила тебя другим, или ты изменился с прошлой нашей встречи.

– Не знаю, Грэт, может просто у меня нет цели понравиться тебе, и я не стараюсь из вежливости? Я такой, какой есть. Извини.

– Это немного обидно, но спасибо за честность. Хуже это тебя не делает, всё равно с тобой интересно. Заглядывай к нам почаще, ладно?

Велоповозка шла по лесной дороге без единого скрипа. Педали крутились легко, спицы мелькали, шины шуршали, а колокольчик на раме мерным звоном предупреждал всех вокруг о приближении телеги. Рух был странно задумчив, и таким же был Зак. Оба мыслями всё ещё были в доме, где жили пару дней, и о грифонах, с которыми общались. Один – о том, как это красиво и необычно, но сложно, другой – о том, как это сложно, но здорово.

По пути до Подгорного им не встретилось ни следа зверей.

Во дворе Азеркина

Рух стоял во дворе Азеркина. Лунная ночь, серебристое свечение трав, четкие тени. Чудеса сети пещер, запас волшебства, способный изменить его форму. Тишина и спокойствие, и внутреннее чувство нового, волшебного. Возможность сделать чужую мечту правдой.

Кто выйдет в ночь, потревоженный чувством прекрасного? Кто раскроет объятия ветру, искупается в его ласках и обретет крылья? Кто не побоится оставить свое старое тело и стать кем-то новым, кем всегда был, кем чувствовал, что всегда был?

Деревянные стены хранили молчание. Легкое движение рукой, и в открытые форточки проникает свежесть ночи, пьянящий запах лунных трав, мягкой тьмы и звёзд, звук тишины на многие километры вокруг, ясно различимые шелест каждого листочка, сверкающего на белом свету и скрывающегося в черноте.

Осторожно, не разбудить всех. Только кого-то одного, кто и так в надежде выходит по ночам, купается в шелковом мраке, стремится выбраться из тела и летать на грани осознанных снов, желаний и правды.

Есть легенда, что в Азеркине живут драконы. Есть легенда, что живущие в Азеркине могут стать драконами и летать по ночам. Есть легенда, что однажды ночью ты можешь проснуться от чувства, что тебя что-то зовёт. Дом будет спать, и в тишине ты выйдешь на улицу, никем не замечен, прислушаешься к ночи, прочувствуешь её, и встретишь старого друга. А на утро проснёшься в постели, помня ночь полётов, радость, дальние края. И кроме волнительных воспоминаний у тебя будет что-то ещё: листочек в волосах, песок на ногах, ленточка на руке, камешек с далёкой скалы – что-то, чего нет в округе. Что-то, что ты вынес с собой из сна, чтобы помнить, что это не сон.

Мягкие шаги, тихонько скрипящая дверь. Мир замер, и на миг замер Рухгерт, а потом рассмеялся, плывя в воздухе. Кто увидит ветер? Лишь почувствуют смех и радость в его порывах, да может, скажут «привет».

Странное восприятие, когда не различаешь черты, но чувствуешь настроение. Объятия, и бесстыдные руки зарываются, гладят, лезут под легкую одежку, накинуть которую хватило приличия, забираются под одежду, под кожу, и касаются души.

Несколько шагов от дома – чтобы хватило места. Светлая, как макушки гор, радость. Нашептать соблазнов, легонько провести клювом по кромке уха, вызвать мурашки, подбросить, подхватить порывом, помочь расправить обычно сложенные за спиной крылья, дать им окрепнуть.

Предвкушение. Восторг. Нетерпение. Рука ложится на грудь и чувствует, как сильно бьется горячее сердце, и вышедший в ночь словно бы тоже чувствует это прикосновение, и как в него вливается волшебство. В грудь, к сердцу, солнечному сплетению, к крыльям, рукам, ногам, хвосту – ко всем конечностям, видимым и невидимым, ощущаемым, придавая им сил, желания обрести и поддержать форму. Чёрные перепонки заслоняют луну. Шипастый хвост приминает траву и служит опорой, пока дракон стоит на задних лапах, покачиваясь, сосредоточенно закрыв глаза. Прохладная чешуя под рукой наливается жаром, зубастая пасть щерится в улыбке. Крылья растут и крепнут, пока не заслоняют небо. Лёгкость во всём теле, экстаз от обострения чувств. Взмахни – и оторвёшься от земли. Поток волшебства слабеет и прекращается, рука больше не давит на грудные пластины.

Дракон открывает глаза – светящиеся, большие, красивые, и осторожно встаёт на четыре лапы. Оглядывает себя, урчит, гарцует в нетерпении взмыть, примеряется, как бы чего не снести, и замечает грифона. Маленькую бескрылую фигурку долговязого юноши.

– А ты?

– Я?

– У тебя ещё есть сила. Полетели со мной.

Грифон прислушивается к богатому голосу, к себе, и закрывает глаза.

Крылья.

Наконец-то.

В небо устремляются острые углы, обрастают перьями, тело меняется, чтобы летать. Иная осанка, иные пропорции. Горячая чешуйчатая лапа ложится на грудь. Черная морда, подчеркнутая белым призрачным светом. Добрые синие глаза. Теплая улыбка.

Разбег, вниз с горки, взмахи крыльев и притяжение больше не властно над ними.

Шёлк ночи нежно гладит чешую, потоки воздуха треплют шерсть и перья, а знакомый пейзаж внизу меняется и отступает.

Почти безоблачное небо. Долететь наперегонки до тучки и затронуть её крылом, попробовать нарисовать узор на небе, слепить что-то из невесомой мокрой дымки. Смеясь, броситься вниз и взмыть вверх, резвясь, купаясь, наслаждаясь жизнью и новым телом, ощущениями, которые раньше только снились.

- Куда полетим? – спрашивает грифон. Но цели теряют смысл, когда сам процесс – радость.

– Давай туда, – показывает дракон головой на длинной шее и улыбается от уха до уха, - есть особые места, где мечтал побывать?

– Нет, кроме неба.

– А я знаю парочку. Тебе понравится.

Широкий разлив ручья, утоливший жажду, холодные искрящиеся брызги, журчание воды и озорство. Высокие скалы над бесконечностью деревьев, на которые невозможно забраться снизу, тишина и аромат леса. Песчаные дюны у моря, шум волн, разбивающихся о берег, прохлада песка под брюхом и тепло друга. Объятия крыльями и лапами. Тихое урчание и нега – когда выбесился, набегался, и вроде бы ещё есть силы, но ты лёг, и просто быть рядом – удовольствие.

Чешуйчатая морда трется о пернатую, и в глазах читается нежность, благодарность, счастье. Прикосновение лап, нежные поглаживания, волнительно отдающиеся по коже, позволяющие прочувствовать себя до конца, шёпот, заглушаемый волнами. Чувство каждой чешуйки и каждого пёрышка.

И ещё много времени до утра.

Вскоре две фигуры снова взмыли в лунную высь, чтобы продолжить свой радостный танец крылатых.

Утро тихо постучалось в сознание, приоткрыло дверь, и зашло. Беспорядок перьев и шерсти лежал вперемешку с одеялом, силясь остаться во сне и как-то сохранить его, примирить, совместить с безжалостной реальностью другого тела и другого мира.

Если не шевелиться, более-менее получалось. События ночи вставали перед глазами живее, чем знакомый потолок и окно, ощущения ветра в крыльях и радости полёта, испытанные тем телом, с трудом, но записывались, запоминались этим.

Да, после такого сна не сразу приходишь в себя. И дело не только в полёте.

Кто был в Азеркине? Видел ли он или она тот же сон?

Столько теплых эмоций, что в пору думать, не влюбился ли… ух. После такого понимаешь, как всего один сон может убедить людей, что они не люди, а кто-то ещё, и люди живут, надеясь испытать это чувство снова.

Запомнив и прокрутив в памяти пережитое, грифон позволил себе потянуться. Незнакомое, неловкое тело. Ощущение, что всё ещё там.

Нехотя, Рух встал с кровати. Надо будет заглянуть в Азеркин.

Chesterson

Кельт

zebra555@mail.ru

Уже традиционно, в альманах включены отрывки из второй части "Время Крылатых". Это продолжение трилогии, начало которой было опубликовано еще в АРФИ 2012, а затем в выпусках альманаха 2014-го и 2016-го года. Автор продолжает активную работу над своим произведением в котором читатель найдет запоминающийся фурри-персонажей со своими особенностями, языком и даже ругательствами используемыми исключительно в адрес определенных видов. Произведение в жанре экшн-фэнтези понравится тем, кто любит битвы, заговоры и эстетику средневековых миров с примесью магии.

Мы с нетерпением ждем публикации полной версии этой эпической саги от автора за творчеством которого давно следим на страницах нашего альманаха.

Ознакомиться с первой частью трилогии можно по ссылке: samlib.ru/j/jaroslaw_woronickij

Время крылатых

Глава 2. Сила.

– Зард даже не понял, что ему вырвали хвост, с половиной позвоночника, и продолжал ползти вперёд, пока не обессилел от потери крови. Ягуары нашли его довольно быстро, но к тому времени Зард был при смерти… Всё твердил о красных глазах да голосе, зовущем его в Хорт… А вот ещё случай!

– Ракана! – не выдержала Мрита. – Может, хватит?

– Почему? – искренне удивилась пума. - А-а-а… боишься?

– Нет. – олениха смутилась.

– Глупости! – фыркнула Урнала. – тот, кто сражался с настоящими ликаонами не станет бояться каких-то мёртвышей! К тому же, несуществующих… эй! - Урнала шарахнулась от внезапно остановившейся пумы, потирая ушибленный об её затылок нос.

– Хочешь сказать, я обманываю? – ласково спросила пума, оглядываясь на Урналу через плечо.

– Нет, но сейчас кажется, скажу и не такое… – в том же тоне ответила коза.

– Да? Говори, я слушаю…

Внезапно у Раканы пропало всякое желание продолжать выяснение отношений. Виной тому был случайно пойманный, скучающий взгляд росомахи. Махнув рукой, пума устало побрела вслед за ушедшей далеко вперёд гиеной.

Глухо рыкнув, Хаар чувствительно двинула козе локтем в бок, подтолкнула следом за ней олениху и ненадолго замерла всматриваясь в темноту. Проворчав под нос что-то известное лишь ей, росомаха побрела вслед удаляющемуся факельному свету.

Река Ырзь, с её холодом, стремительным течением и сыростью осталась далеко позади. Они держали путь по узкому извилистому ходу, проточенному водой меж слоями красного и серого гранита. Под ногами скрипел тонкий речной песок, влажный воздух был неподвижен и затхл. Обнаружив, что Якра снова куда-то пропала, Ракана расстроено фыркнула, бросила на песок поклажу и сняла с пояса свою старую флягу. Фляга оказалась пустой.

– Урнала, у тебя есть вода?

Снежная коза протянула ей свою кожаную флягу. Воды в ней было на донышке.

– А про воду мы и забыли.

– Почему это мы? Мрита забыла.

– Все хороши! – вступилась за олениху Урнала. – У Якры в мешке фляги с плота, я сама видела.

– Полные? - с надеждой спросила Мрита.

– В том-то и дело, что пустые. Новые совсем. Якра! Якра!

– Тут я! – недовольно зашипела из темноты гиена. – Чего орёте?

Якра не теряла времени даром и совершенствовалась в искусстве, в котором ей не было равных с самого детства. Она охотилась на крыс. Вся сложность охоты состояла в том, что крыса должна была умереть мгновенно не пролив ни капли своей крови.

Гиена замерла. Её широкие мягкие уши ясно уловили характерную крысиную возню в груде камней справа. Крепко сжав в кулаке короткую плоскую дубинку из твёрдого и очень лёгкого дерева, Якра бесшумно шагнула вперёд. Темнота гиену не смущала ни сколько. К темноте она привыкла давно. Наверное, с той поры, когда чьи-то сильные руки ловко и бережно извлекли трёхгодовалую Якру из постели возле родного очага, в земляной хижине на окраине Ратпмарского

посёлка и упрятали в плотный, пахнущий лирговой кровью мешок. Похитители спешили – шли днём и большую часть ночи, делая короткие остановки, во время которых кормили её пережёванным мясом. Плач да скулёж пресекался мгновенно и болезненно. Кошачий запах, исходивший от похитителей, она запомнила достаточно хорошо, что бы с тех пор бояться и ненавидеть всех сервалов. Через полмесяца её вытряхнули из мешка посреди крепостного двора, где-то в горах Южного Гутлаха. Она оказалась слишком мала и слаба, чтобы стать настоящим чёрным нукархом и её отдали Рунаке. Первое чему научил её Рунака, это охоте на крыс.

Удар был точен, но слишком силён. Крысиный череп лопнул как перезревшая винная ягода. Отправив зверька в пасть, Якра облизала дубинку и остановилась, подождать остальных.

– Что стряслось? – недовольно буркнула она подошедшей Урнале. Коза ощупала её мешок.

– Тут они. Доставай.

– Что доставать? – нахмурилась гиена.

– Фляжки. – пояснила коза, – За водой пойдёте, с Мритой.

– Чего я? – возмутилась Якра.

– Потому что у тебя хвост короткий! – вышла из себя Урнала и всучила гиене факел, – Только живо! Крыс своих после наловишь.

Ворча что-то себе под нос, Якра достала из мешка шесть фляжек, пять кожаных и одну железную и отдала их оленихе.

– Мы быстро, – пообещала Мрита Урнале. – до Ырзи и сразу назад.

Урнала погрозила гиене кулаком.

– Зачем тебе крысы? – спросила олениха гиену, когда они отошли достаточно далеко.

Якра сдержанно улыбнулась.

– Да так…

Подмастерьев своих Рунака бил нещадно, порой до полусмерти. Якра боялась его до мокрых сакашей и щенячьего визга, поскольку Рунака был зверем не только лютым, но и невиданным.

Семнадцать лет назад, молодой самец антилопы бонго по имени Рунакхаррва, родом из северных лесов полуострова Барнут, забрёл в горы Южного Гутлаха. Завели его в эти суровые края поиски дольменных камней, оставленных здесь прежним вудулом, около тридцати лет назад. Камни Рунакхаррва не нашёл, зато его нашли пятеро ралхов из шайки лиса Сарва промышлявшей в здешних предгорьях уже много лет. Две полосатые гиены, два бурых волка и кугуар долго следили за бонго и решили, что блестящая каштановая с белыми полосами и белым полумесяцем на груди, шкура антилопы - добыча ценная, а раз так, то…

Рунакхаррва своим кривым как серп мечом, выпустил кишки обеим гиенам, снял голову с плеч одному волку, перерезал горло другому и молча погнался за роняющим на бегу из хараша дымящийся горох, кугуаром. У истока Калеи он его догнал, скрутил и уволок в лес. В лесу кугуар был обездвижен путём рассечения позвоночника чуть пониже лопаток и распят на стволе векового бука, после чего Рунакхаррва принялся увлечённо вырезать на его беспомощном теле затейливые руны. Пронзительные вопли антилопу не беспокоили и даже не забавляли. За этим занятием Рунакхаррву и застал дозор из Южного Гутлахского лагеря чёрных нукархов.

Дозорных было трое.

– Взять его… – то ли приказал, то ли спросил старший, пожилой гепард и указал на ощерившегося бонго секирой. Двое других дозорных, каракал и козерог ибекс, переглянувшись, не двинулись с места. Рунакхаррва задумчиво почесал острием ножа своё ухо, а затем точным ударом добил орущего ралха.

– Так что, вяжем его или как? – тихо спросил ибекса каракал. Тот обернулся к гепарду и не удивился, что командира уже и след простыл.

Бонго тем временем привычно вспорол мёртвому кугуару брюхо.

– Погоди.

Ибекс медленно убрал за спину секиру и опустив руки шагнул к антилопе. Рунакхаррва занятия своего не бросил, лишь повернул в его сторону своё широкое мягкое ухо.

– Я Зараб. – представился ибекс на олорском и почтительно склонил увенчанную тяжёлыми рогами голову. - Назови своё имя, гроза ралхов?

Помедлив, Зараб повторил свой вопрос на гэлти, но внезапно бонго обернулся и ответил ему на чистейшем олорском.

– Меня зовут Рунакхаррва и я не гроза. Я собиратель сердец.

– Так ты вудул… - каракал отступил ещё на шаг.

– Я думал, ты шкуру его хочешь. - ибекс с трудом отвёл взгляд от пульсирующего сердца на окровавленной ладони бонго.

– Нет. – антилопа положила сердце в очерченный кровью круг, – Я просто хочу узнать, куда мне идти дальше.

Рунакхаррва в упор посмотрел на Зараба.

– Что за крепость на той чёрной скале?

Ибекс и каракал озабоченно переглянулись…

– Гляди, чего я нашла.

Ушедшая в воспоминания Якра, от неожиданности едва не уронила факел.

Олениха протянула ей только что найденный олений рог.

– Кто-то из ловцов сбросил. – зевнула гиена, – Или потерял вместе с головой. Ты, Мрита, по сторонам поглядывай.

Гиена отдала оленихе факел и перехватила древко копья обеими руками.

– За мной. Медленно.

Рунакхаррва задержался в крепости чёрных нукархов на пару месяцев, пока не отыскал заветные камни, потом застрял до весны, из-за лавин, да так и прижился. Той зимой местный вудул, волк Талхар решился поговорить с антилопой о духах и силах. В ту же ночь волк сбежал из крепости, не смотря на метель и стужу. Нукархи долго искали Талхара, да так и не нашли. Пришлось Рунакхаррве становиться вудулом. Через три года он окончательно забыл своё барнутское имя и стал отзываться на прозвище Рунака.

Вскоре новому вудулу понадобились подмастерья. Служить Рунаке было делом нелёгким и опасным. Первый уже вечером был выброшен из бойницы башни колдуна. Второго Рунака забил насмерть за передержанный на огне отвар. Третьему пришлось отдать свои внутренности для изготовления какой-то редкой отравы. Рунаку стали бояться даже наставники чёрных нукархов. Бояться было чего.

В умении готовить яды Рунаке не было равных. Он умел всё. Он умел больше, чем всё.

Голыми руками выдоить яд из змеи, терпеливо настаивать мокриц на подогретом волчьем молоке. Сварить отраву из мухоморов, жаб, древесных стружек и дождевых червей. Составить яд который убивал мгновенно на вдохе оставляя на морде жертвы изумление, или яд который убивал на выдохе оставляя печать невыразимого ужаса. Жертвы Рунаки слепли, глохли, впадали в безумие, месяцами разлагались заживо или умирали во сне со слезами счастья.

Повзрослев, Якра догадалась, чем она приглянулась вудулу. Слюна гиены и налёт снятый с её зубов входил в состав большинства ядов которыми Рунака щедро мазал стрелы и дротики наёмных убийц. На четвёртом году службы Якра неожиданно прониклась искусством приготовления смертоносных зелий. Рунаке это понравилось. Он почти не бил Якру и даже полностью доверил ей изготовление крысиного яда - ремесла нехитрого, но требующего прилежности. Ремесло это, вбитое тяжёлыми кулаками бонго, Якра усвоила на всю жизнь. Главный секрет хорошего яда в том, что крыса должна умереть быстро, не пролив ни капли своей крови. В течение следующих десяти дней, битые крысы висели на сухом пыльном чердаке крепостной башни, превращаясь в мумии, отдавая в подставленные под их головы стеклянные плошки, трупный яд. Что будет, если хоть малая капля этой тяжёлой маслянистой жидкости попадёт в кровь, гиене было хорошо известно: Рунака рассказал, как рвутся кольчуги и лопаются доспехи на безобразно раздутых телах жертв крысиного яда.

Единственным, кто не боялся грозного вудула, был ибекс Зараб. Каждый раз, перед заходом солнца Зараб появлялся в башне со жменей сухого матара и большим гутлахским яблочным пирогом. Якру всегда выгоняли вон, и злая голодная гиена до полуночи сидела на пороге или бродила по холодному кольцевому коридору башни. Изредка Якре удавалось подслушать о чём беседуют антилопа и ибекс. Так она узнала, что благодаря Рунаке дела в крепости пошли в гору, что есть яды способные убить даже через толстую подошву сапога, что Зараб постигает тайны общения с духами и Рунака этим очень доволен. Расходились они далеко за полночь и случалось, оставляли Якре ломоть пирога да кружку тёплого матара.

В один из долгих летних вечеров на пороге обители вудула вместо ибекса появился рослый гепард в кожаном плаще, с мечом на поясе и тонким серебряным обручем на голове. Кто это и зачем он пришёл к Рунаке Якра не узнала. Гиену не просто выставили за дверь, а прогнали из башни. Когда гепард ушёл, ибекс явился к вудулу не с матаром, а с бурном. Впервые за много лет.

Рунака умел больше чем всё, но то за чем приходил гепард, оказалось ему не по силам. Крысы и голуби на которых вудул опробовал свои зелья исправно дохли, но это почему-то Рунаку огорчало. Последнюю неудачу бонго перенёс особенно тяжело и не показывался из своей мастерской дней восемь. В очередной раз навестивший его гепард, уходя ни с чем, раздражённо бросил антилопе с порога.

– Гляди, вудул. Доиграешься.

Доигрался Рунака тем же вечером. Закипевшая в каменном горшке смола вышибла крышку и брызнула ему прямо в глаза. С того времени большие карие глаза антилопы затянула мутная белая плёнка. Впрочем, ни на мастерство в приготовлении отравы, ни на силу кулаков утрата зрения не повлияла.

Спустя месяц после случившегося с вудулом несчастья, Якра стала замечать странное. Казалось, Рунака не просто утратил глаза, а обменял их на… на что?

Крысы больше не дохли.

Отведав подмешанной в зерно отравы они цепенели и лежали в своих клетках без движения. Сутки, месяц. Прежде чем Рунака

приказал их убить, они продержались месяц. Якра сама поила их рыбным отваром через тростниковый стебель.

Голуби… Одни непрестанно метались по голубятне, пока не разбивались о её стены в кровавые брызги. Другие застывали на своих насестах. Их можно было взять в руки, развести в стороны крылья… Однажды прижав такую птицу к щеке гиена со страхом и недоверием ощутила едва заметное биение её сердца.

Объявившийся по весне в крепости гепард тоже не поверил тому, что увидел. Он долго с неприязнью разглядывал вязкую прозрачную жидкость на дне глиняной чашки, косился на слепо уставившегося в бойницу Рунаку.

– Он не крыса. – наконец произнёс гепард. – И не голубь.

– Оставайся и сам всё увидишь. – был ответ антилопы. Рунака продолжал пялиться в бойницу, но когда Якра подошла к гепарду что бы принять у него чашку с полученным ядом, обернулся и настороженно пошевелил ноздрями.

В то утро Рунака отправил Якру на южную стену, ловить рано появившихся мокриц. К полудню, когда горшок уже был полон шевелящейся мелюзгой на две трети, гиена присела на край стены передохнуть. Было тепло и тихо. Скупое горное солнце стояло над утёсом, внизу, над лесом кружила пара воронов, с южного склона дальней голой сопки почти сошёл снег. День начинался на редкость хорошо. Хорошо как никогда. С пугающей ясностью молодая гиена поняла, как этот день может закончиться.

«Оставайся и сам всё увидишь».

Горшок выпал из её рук и мокрицы живыми свинцовыми каплями растеклись по залитым солнцем камням.

Бросив последний взгляд на башню Рунаки, Якра спрыгнула с невысокой стены, обдирая руки и колени, съехала по крутому валу, и прежде чем кто-либо опомнился, скрылась в заросших терновником логах.

Якра вздохнула. Месяц голодных скитаний по опасным Гутлахским горам так и остался самым неприятным месяцем в её жизни. К его исходу уже и Рунака не казался таким страшным как голодная смерть или лавины. Её искали. Якра поняла это, наткнувшись на собственные следы двадцатидневной давности и свежую стоянку нукархов неподалёку.

– Ырзь… – тревожно шепнула ей Мрита, возвращая факел. В его пламени масляно блеснула речная гладь. – Пришли.

Пока олениха наполняла фляги водой, гиена зорко посматривала по сторонам. Берег ей не нравился. Слишком просторный и открытый, ни скал, ни валунов.

– Живее. – подогнала она и без того спешившую олениху.

– Последняя. – окоченевшие пальцы Мриты едва справились с неподатливой пробкой.

Подняв факел выше, гиена всмотрелась в дрожащее тёмное пятно у кромки воды. Толстое бревно почерневшее от воды и времени. Якра сделала ещё шаг и…

– Ой… – гиена встала как вкопанная и медленно протянула факел к чернеющей в стене расщелине. Рука её заметно дрожала.

Навьюченная флягами с водой Мрита тоже замерла, а затем осторожно приблизилась к мелко дрожащей Якре.

– Глаза… – проскулила гиена.

– Да ну… – отмахнулась олениха, и в тот же миг сама узрела сверкнувшие в темноте злым красноватым светом зрачки.

– Мёртвыш!!!

Мрита так до последнего дня и не поняла, кто в тот день первой поднял крик: она или гиена.

Запустив в расщелину найденным рогом, олениха, бренча навешанными флягами, рванула прочь. Якра успела больше. Хорошенько ткнув мёртвыша копьём, гиена ловко отбила факелом летящий обратно рог, и пустилась догонять олениху, но споткнувшись о брошенную Мритой флягу, затейливо ругаясь проехала по полу, вскочила, сломала черенок факела о бросившегося на неё мёртвыша и воинственно рявкнув: «Хвост помой!» удрала.

– Кто?! Куда?! – Мрита оказалась в цепких объятиях Урналы. – Где Якра?

– Тут я… – прохрипела гиена, падая у ног козы, – мёртвыши…

Урнала крепко встряхнула обмякшую олениху.

– …олений рог… хвост помой… глаза красные…

Пума обнажила два коротких тесака. Росомаха отобрала у Мриты секиру, протянула её безоружной гиене и вытащила из-под хурки нож.

Стало тихо. Тревожно гудело пламя факелов, шипели капли горячей смолы на мокрых камнях. Тьма оставалась непроницаемой.

Потеряв терпение вперёд шагнула пума.

– Покажись! – прорычала она.

Урнала швырнула во тьму свой факел и Мрита разглядела две красные искры у стены, слева.

– Там!

– Вижу!

Сильная рука поймала Ракану за пояс и отбросила назад. От неожиданности пума, едва не выронив оба тесака, села на собственный хвост. Свирепо рыкнув, росомаха исчезла в темноте. Мгновение

спустя к ногам Урналы с лязгом упало что-то тяжёлое.

Якра осветила своим факелом пол.

Длинный тонкий меч с массивной гардой в форме полумесяца, в чёрных ножнах. Пума тут же прижала его ногой к камням.

– Сдаюсь. – глухо прозвучало из тьмы.

Голос был Мрите незнаком, но Ракана злорадно оскалилась, а Урнала сердито приложила уши.

– Жива ещё? – удивилась пума, – Хаар, тащи сюда эту метлу рыжую?

«Метла» оказалась крупной длинноногой импалой в драном чёрном салакаше и кожаных штанах, заправленных в высокие сапоги. Антилопа выпрямилась и оскалилась, дико озираясь по сторонам, а затем медленно отняла ладонь от правого бедра. Кровь, обильно пропитавшая чёрную замшу, полилась сильнее.

Нагло ухмылявшуюся Ракану неосторожно подошедшую слишком близко, импала ловко лягнула здоровой ногой в колено.

– Ну, блевотина волосатая!

– Моча кошачья!

– Подстилка пёсья!

– Задница рыбья!

С жарким свистом вылетел из чёрных ножен меч, длинный, тонкий, гибкий как сама импала. Но перед ослепшей от ярости пумой возникла Урнала. Щедро размахнувшись, она заехала кулаком Ракане в лоб. Меч с протяжным звоном отлетел к стене.

– Свяжу хвостами да в Ырзь брошу, рыб пугать! – зловеще пообещала снежная коза.

Росомаха осуждающе дёрнула импалу за ухо.

Урнала подошла к росомахе и помогла ей уложить раненую возле стены.

– Якра, доставай хворост. Тащи воду, Мрита.

Импала уже оторвала рукав своего салакаша и, зажав им рану, прислонилась затылком к холодной скале.

– Ты антилопа? – спросила её Мрита, наполняя водой котелок водой из фляги.

– Бородавочник. – буркнула импала.

– Кайла говорит правду? – удивилась Ракана, – Значит дело дрянь.

– Не останавливается. – пожаловалась Кайла и отбросила к стене пропитавшуюся кровью тряпку. Хаар с беспокойством склонилась над её ногой.

– Прижми здесь. – посоветовала ей Урнала, – Кровь остановить не могут, вояки рукозадые.

Снежная коза достала из мешка заготовленные для перевязки длинные полосы ткани.

– Издалека? – спросила она импалу, – Считай, лет пять тебя не видели.

– С юга. – хмуро ответила Кайла.

Ракана снова выдвинула из ножен меч Кайлы, полюбовалась игрой пламени на клинке.

– И чего на юге не сиделось?

– Дела. – фыркнула импала перетягивая бедро тряпкой, – Сколько у меня времени?

– Куда-то спешишь? – удивилась пума, но Кайла в её сторону и не взглянула. Она пристально смотрела на Якру.

– Ты о чём, рыжая? – насторожилась гиена.

– Знаешь о чём. Я видела Резню.

Якра замахала руками.

– Не… Яд только на дротиках был.

– А копьём ты в зубах ковыряешь. – напомнила гиене Мрита.

– Я?! – возмутилась Якра.

Почти невозмутимая Кайла начала заметно нервничать. Отложив окровавленную тряпку, импала насторожила уши. Пума ехидно скалилась.

– … и ножик у тебя вечно в слюнях! Гадость какая.

Импала уже торопливо вспарывала ножом потемневшую от крови штанину, Хаар с сочувствием гладила антилопу по спине.

– На… – Ракана бросила Кайле свой кинжал и полюбопытствовала, – орать будешь?

– Нет, только петь! – огрызнулась та, промывая и рассматривая рану.

Хаар сунула кинжал в угли.

– Вот что я думаю. – помолчав сказала пума, – раз уж эта длинноногая теперь наша пленница, пускай-ка она расскажет нам всё.

– Я вам много не расскажу, сама ничего не знаю. – зажав рану куском чистой ткани, Кайла привалилась к стене и уставилась в потолок, – а вот про то место куда вы все так спешите…

– Ну, и куда же мы так спешим? – Ракана вплотную придвинулась к антилопе.

– В Хортаг, конечно. – спокойно ответила та, и добавила – Себе на погибель…

– А ты шла за нами, чтобы предупредить… – с издёвкой перебила её Ракана.

– Нет, – спокойно ответила Кайла, – я шла по своим делам… в нашу крепость.

– Что?! – Урнала вскочила и угрожающе двинулась на импалу. Пума приподнялась и ощерилась. Хаар недобро заурчала.

– Пять дней назад, кажется, – как ни в чём ни бывало, продолжала Кайла, – в крепости случился бунт. Из-за чего всё там… – импала оторвала уже присохшую к шерсти повязку и поморщилась от боли, – … не знаю из-за чего, но сотня ликаонов очень легко взяла Хортаг. За вечер.

– Бунт? – вытаращилась Мрита, – Захватили Хортаг? Рябые?

– Чьё войско? – прищурившись спросила Урнала, – Резни?

– Гиязи.

Ракана тихо присвистнула. Снежная коза обернулась к ней.

– Говорила, что не последняя это война, а ты не верила.

Урнала разворошила угли лежащим в костре кинжалом Раканы, внимательно оглядела покрытый пеплом клинок.

– Рано… Что там за вудул новый?

– Вудул?

– Все о нём только и говорят.

– Ларс, что ли? - предположила Кайла, – Не знаю что там у вас говорят, но Гиязи не за умение колдовать его наняла, а за то, что он Колодцы Орфы знает как никто другой.

– И кто он?

– Горал.

– Ларс, значит. – задумчиво проговорила Урнала. – Он сейчас в Хортаге? Нет? А Гиязи?

– Кажется. – Кайла с беспокойством разглядывала рану.

– Хангар жив? – продолжала допрос пума.

– Не знаю.

– Издеваешься? – оскалилась пума.

Хаар пристально посмотрела на неё и многообещающе приподняла верхнюю губу.

– Никто не знает. – равнодушно ответила импала, – За пять дней, после штурма, в крепость ушли два отряда. Пока никто не вернулся.

Снежная коза и пума переглянулись. Хаар вопросительно смотрела на Кайлу.

– Не поняла… – нахмурилась гиена.

– То есть… – окончательно сбитая с толка пума вновь опустилась на пол. – Яд уже подействовал, Кайла?! Что ты несёшь, какой бунт, какие отряды?!

– Мы не знаем, что творится в крепости. Как и вы…

– Я не верю ни единому слову этой… – Ракана махнула рукой, нервно дёрнула хвостом и отвернулась.

– Чтобы волки взбунтовались… – с сомнением покачала рогатой головой Урнала.

– Волки живые. – угрюмо ответила Кайла. – Из плоти и крови. При Дарге их хотя бы вниз головой над крепостными воротами не вешали. А при Хангаре Чёрном…

– Заткнись! – грубо перебила импалу Урнала. – Сама видела?

– Гиязи рассказала.

– Ты бы ещё у Резни спросила.

– Хватит уже про Хангара, а то Мрита вам в морды вцепится. – предупредила Урналу и Кайлу пума.

Кайла покосилась на олениху.

– Что, тоже волчица севера?

Мрита фыркнула и отвернулась.

– Как там ножичек?

Хаар с опаской вынула из углей раскалённый клинок.

– Представь, что мы тебя пытаем… – промурлыкала пума.

– Хаар, дай мне… – к костру подошла Урнала. – Мрита, держи ей ноги. Готова, Кайла?

– Готова… – буркнула импала, отворачиваясь и закрывая глаза.

Урнала вздохнула и ловко погрузила раскалённый клинок в рану.

Кайла зашипела, лягнула Мриту в грудь, выгнулась дугой, и после короткой судороги, без сознания уронила голову на росомахе на колени.

Ракана принюхалась.

– Когда выберемся, непременно зажарю себе кролика. – сказала пума и получила от Мриты кулаком по спине.

***

Рохому показалось что прошло больше суток с того времени как Курнуб направил плот в узкий как змеиное горло рукав. Течение усилилось, и вскоре река превратилась в бурный мелкий ручей. Ягморт вопросительно посмотрел на серну.

– Всё. – сказал тот, – Дальше пешком.

– Долго идти?

– Долго. – обрадовал всех Курнуб и погасил фонарь, – Не спеша и очень тихо.

В наклонной стене, по которой им пришлось карабкаться на ощупь, к счастью были вырублены глубокие ступени. Глаза Рохома очень скоро привыкли к темноте, и барс прекрасно различал всё что находилось на расстоянии его вытянутой руки. К счастью, серна и джейран, видели в темноте гораздо лучше.

– Ни звука! – прошептал Аард и его ладонь легла Рохому на шлем прижав голову барса к камню.

Они распростёрлись на широкой плоской макушке чёрной скалы. Далеко внизу дышала покоем и холодом подземная река.

– Это Таргала?

– Тихо, волчара. Сюда смотрят…

Рохом осторожно убрал руку Аарда со своего затылка и медленно высунул нос из-за скалы.

Три белёсые фигуры в длинных до пят плащах бродили по берегу то и дело останавливаясь приглядываясь или принюхиваясь. Передвигались они среди нагромождений валунов бесшумно и уверенно.

– Что у них с головами?

– Тс-с!

Одна странная фигура задержалась у воды и барс разглядел в её руках арбалет. А на голове…

– Это шлем такой?

– Нет, маска.

– Ш-ш!

Головы неизвестных скрывали странные шлемы с вытянутыми конусовидными забралами.

Потоптавшись немного на берегу, «носатые» как прозвал их Рохом, медленно побрели вдоль берега и вскоре скрылись в темноте. Аард осторожно выпрямился.

– Вроде никого. – шепнул он.

– И кто это был? – обернулся к серне Ягморт.

Курнуб развёл руками.

– Думаю, к реке спускаться не стоит. – помолчав, добавил он, - Пойдём по скале.

Скальная тропка над рекой была скользкой от стекающей со стен воды. Шли очень медленно и в полной темноте. Всё, что видел Рохом это мерцающий от влаги край тропы да рогатую голову идущего впереди джейрана. Внезапно тот остановился. Скрипнула тетива его лука.

– Свет. – сдавленным шёпотом произнёс Аард.

– Ждём. – приказал идущий позади всех Ягморт.

В сотне шагах по неподвижной речной глади разлился оранжевый свет. Чётко обозначился заваленный камнями берег и узкий приток реки уходящий влево.

– Медленно, до самого поворота. – еле слышно сказал Курнуб, - Только тихо.

Карниз по которому пролегала тропа стал шире, теперь она круто забирала вверх, под поросший каменными сосульками свод подземелья.

Света стало больше, будто впереди их ждал большой подземный посёлок.

– Мергенов зад! – ахнул джейран выглянув из-за скалы, – Волчара, глянь!

Правый берег Таргалы был залит светом костров, дым которых густо клубился под сводом. Всего в полутора сотнях шагов, внизу на длинной речной косе и на сбитом из толстых брёвен причале кипела жизнь. Рохом насчитал с полсотни ловцов. Ловцов? Ни плотов, ни развешанных для сушки сетей он не увидел, зато оружие было у каждого. Волки, лисы, несколько оленей и косуль, какие-то незнакомые Рохому звери с короткими тонкими рогами. И рябые, рябые, рябые…

– Рох, смотри! Выше на тропе. – шепнул ему Курнуб.

Присмотревшись барс различил слабое движение на тропе впереди.

– Он один?

– Да, один. Лис. – шепнул показавшийся из-за плеча серны джейран, – Снять?

Протянув руку, Ягморт слегка потянул джейрана за нетерпеливо вздёрнутый хвост.

– Ползи назад. Никого снимать не будем.

– Никого? – разочарованно протянул Аард.

– Никого. – отрезал волк, – Пока не узнаем кто это такие.

– Тьма Гиязи? – предположил Курнуб.

Ягморт лишь вздохнул.

– Может скрутить этого? – Аард снова высунулся на тропу.

- Да? Много он тебе расскажет? – усмехнулся Курнуб.

– Никто не должен знать, что мы были здесь и видели этот лагерь. - строго оборвал их Ягморт, – Никто.

Волк пристально посмотрел на серну.

– Вернёмся. – подумав, предложил тот, – Спустимся на уровень ниже и выйдем к Батарге. Оттуда, через колодец Гилла попадём в Хортагский лес.

– Засыпали колодец твой. – напомнил серне Ягморт, – Я приказал.

– Не тот. Другой.

Волк скрипнул зубами от злости и Курнуб с тоской подумал, что с возвращением в Хортаг Ягморта, пощады Ловцам не будет.

Джейран дёрнул серну за короткий хвост.

– Чую поплывут по рекам скорби рыбьи души! – мстительно зашипел он Курнубу на ухо.

– Косяками!

Курнуб молча щёлкнул его по носу.

Они добрались до спуска к сифону, где оставили плот, когда тьма вокруг задрожала от хриплого рыка боевого ухута. От неожиданности Рохом присел и Курнуб навалился ему на спину.

– Что… Что за…

– Тихо! Слушайте.

Курнуб тяжело оперся на спину Рохома, медленно выпрямился и широко раздул ноздри.

– Слушайте…

Со стороны лагеря, сквозь пласты слежавшегося сырого мрака прорвался отголосок тяжкого удара, будто кто-то огромный ступил на берег железным каблуком. С потолка ухнули в воду несколько каменных сосулек, по реке прокатилась высокая волна.

– Обвал? – шёпотом спросил Рохом.

– Нет. – ухо Ягморта безошибочно различило среди гула воды да треска ломающегося дерева, лязг стали и крики сражающихся. – Битва.

***

Сила…

С высоты перистых облаков Хортаг казался не больше оброненного в снег

напёрстка. Безжизненный, покинутый. Но стоило сомкнуть веки, и всё менялось. Затерянная среди снегов и скал крепость расцветала десятками тёплых багровых огоньков, дышащих жизнью, болью и страхом. Но огоньки не могли рассказать ему то, что они видели.

– Ларс… Эй, Ларс…

Первым желанием горала было запустить пантере в голову котелок с остывшим матаром, но он сдержался.

– Я же предупреждал…

– Знаю, но…

– Налд вернулся?

– Налд пропал. И ещё…

– Как пропал? – Ларс рывком поднялся на ноги, – А плот? А припасы?

Донкар замотал головой, но ответить не успел. В пещеру сунул нос ликаон уцелевший после встречи с Хаар.

– Салиса всё…

Придерживаясь за стену он посторонился, давая дорогу четырём рябым, которые внесли на плаще тело Резни.

– Недавно ещё дышала. – раненый ликаон склонился над телом. – Салиса… Резня.

– Всё. – мрачно вздохнул Донкар.

– Конечно всё. Вон, нога до кости расплавилась. – заметил Ларс.

– Ага. – Донкар склонился над растёкшимся в чёрную лужу бедром Резни, – Я знаю этот яд.

– Молодец какой. Вот если бы ты знал, что она видела в Хортаге.

Донкар почесал загривок и обернулся к уцелевшему рябому.

– Налд сказал чего?

– Ни слова. – развёл руками пёс, – Я с Гузаем плот стерёг, пока они в крепость ходили.

– Бой в крепости ещё идёт?

– Непохоже…

– Налд с Резнёй что-нибудь принесли из Хортага?

– Мешки вроде…

Ларс безнадёжно махнул рукой.

– Пошёл отсюда! – раздражённо бросил псу Донкар, – Резню похороните, как воинов у вас хоронят.

– Что ещё?

– Есть вести похуже.

Горал выпрямился и скрестил руки в боевых рукавицах на груди.

– Лагерь на Таргале разграбили. Только что… – Донкар покосился на вход в пещеру, – Сатал Будай здесь, он всё видел пускай и расскажет.

Пригнувшись, в пещеру вошёл крупный ликаон в волчьей хурке и кожаном со стальными пластинами шлеме.

– Северного лагеря на Таргале больше нет. – ликаон преданно уставился на Ларса.

– Волки? – холодно спросил горал.

– Нет. Корабль.

– Что?!

Будай огляделся, заметил стоящий у очага котелок с матаром, схватил его и жадно вылакал половину.

– Большой боевой корабль, какие ходят по здешним фьордам. Появился из темноты, снёс причал, раздавил ялик…

Будай выхлебал матар, отбросил котелок и устало прислонился к стене пещеры.

– А после как полезли…

– Кто?

– Не знаю. Все в чёрном и в масках. Десятка два, с луками, топорами…

– Потеряли кого?

– Да всех почти…

– Всех?!

– Я пятерых собрал, после того как корабль ушёл. Трое раненых оставались, но они…

– Здорово они там… напакостили? – спросил Донкар, опасливо покосившись на горала.

– Шатры пожгли. Оружие, инструменты, припасы… золото забрали. А что не унесли, то поломали да утопили.

Горал молча поднял глаза на ликаона.

Внезапно Будай понял, что ослеп. Последнее, что он видел за мгновение до того как горал протянул к нему руки, это дальний угол пещеры и очаг.

Теперь, куда бы ни повернул голову, как бы ни моргал и не тёр кулаками глаза видел он только дальний угол пещеры и очаг с застывшим над ним пламенем.

Угол и очаг…

Угол и очаг…

Будай завыл дурным голосом, лязгнул зубами, налетел на стену а затем истошно завизжал. Кто-то, видимо Донкар вывернул ему руку в локте и заставил опуститься на колени.

– Собери дец. – хрипло выдохнул Будаю в ухо горал, – Вернитесь в северный лагерь и соберите всё, что уцелело. А после… Даю тебе три дня сроку выяснить, что это был за корабль. Ныряй под воду, пытай ловцов, делай что хочешь. И помни, Будай, я могу сделать так, что перед твоими глазами будет вечно стоять хвост твоей мамаши!

Судя по прыти с которой Будай вылетел из пещеры, вместе с занавесью, зрение к нему вернулось.

– Как ты его! – Донкар довольно скалил острые клыки, – Ох, Ларс, не соскучишься с тобой!

– С вами тоже. – недовольно покосился на пантеру горал, – По подземной реке

ходит целый боевой корабль! Ты не напуган, Донкар? Я напуган. Где Налд? Сразу надо было его посылать, а не Байлы. Пятые сутки пошли и никаких вестей. Что с Гиязи? Что с Зарабом? Ничего не знаем…

– Не знаем. – кивнул Донкар, – Ты что-нибудь понял, из того, что Байлы нёс? Жёлуди, ползучая тьма… Ларс, а кто у волков вудул?

– Вудул? – горал задумался. – Хангар Чёрный всегда был неплохим колдуном. Проходил ли он посвящение… Не знаю.

Донкар нервно кашлянул и подсел к огню, напротив Ларса.

– У нас в Северном Гутлахе вудулом был пятнистый олень, из Хатра, земляк Гиязи. Как-то раз притащил он в крепость каменный ящик с капища на горе Кайраг. Долго открыть не мог, а как открыл – его потом три дня чёрной кровью рвало.

– Был я на Кайраге пять лет назад, – перебил пантеру Ларс, – Мертво капище, молчат духи.

Он подбросил в огонь сухой щепы.

– Хангар не олень твой хатрийский, на рожон не полезет. Чую, лихие деньки да ночи в Хортаге зреют. Лихие…

– Нам-то что? Сам вчера говорил, что Хортаг тебе нужен, как рыбе мешок, и пусть Гиязи играет в свои игры. - напомнил горалу Донкар.

– Верно. – согласился горал, – Пусть мстит Мигросу. Было бы из-за чего.

– А у нас какие игры? – осторожно спросил Донкар, – Как у Хангара?

– Кайла где? – недовольно оборвал его Ларс.

– Ты же отправил её следить за этим… рогатым.

– Тогда слушай. – горал выпрямился и пантере пришлось спешно вскочить на ноги, – Найди Ялза. Пусть собирает свой дец и попытается пролезть в крепость, разузнать, что там.

– Ялик… – осторожно напомнил Донкар.

– Да хоть из дерьма пусть новый слепит.

Надвинув на нос капюшон салакаша, Донкар бесшумно покинул пещеру, а Ларс вернулся к очагу. Вплотную придвинувшись к почти угасшему пламени, горал медленно стянул со своих рук тяжёлые боевые рукавицы и протянул руки к огню, чтобы хоть немного согреть ноющие от постоянного холода и сырости пальцы. Он был готов к тому, что за Хортаг придётся заплатить немалую цену, что полярные волки, даже в отсутствие Ягморта, не сдадут крепость, что Гиязи совсем потеряет разум на почве мести Мигросу. Он платил, ведают Боги! А теперь… Вестей из захваченной крепости нет, последнего толкового гонца убили какие-то бродяги, Фархад молчит, Коммал тоже, а теперь ещё и корабль.

Навозный хвост! Проклятый корабль.

Старую сказку о чёрном корабле без имени ему рассказал Курнуб ещё лет восемь назад, когда они только начинали добывать чёрную форель близ истоков Умарги и Таргалы. В сказки он и тогда не верил, а уж теперь…

У корабля напавшего на его лагерь наверняка есть имя и команда. Какие-нибудь не в меру расторопные Ловцы или вконец обнаглевшие ралхи.

Ларс заскрипел зубами. Лодка, шатры, оружие, инструменты, золото… Ну оводы подземные, сучья чумка вам в кишку! Я вас… И эти, воины степей, тоже хороши! Корабль! С фьордов! Поди, простая лодка с десятком разбойников, а шума, а крику! Шкуры! Трусы! И Курнуб…

Недовольно сопя Ларс потёр ледяные ладони, подержал их над очагом и вновь потянулся за рукавицами, прекрасно зная - никакой огонь его не согреет.

Он мог безо всякого вреда зачерпнуть горсть алых углей из очага, голыми пальцами вынуть из кузнечного горна раскалённую до бела железную болванку, но к живому теплу костра его ладони были глухи.

Сила…

При первой встрече он ощутил её как пробирающий до костей холод горного ледника.

Он не испугался и не убежал, как Курнуб, а обернулся и шагнул навстречу. Запахло приближающейся грозой. Помимо воли вздыбилась шерсть на голове и плечах.

Чёрный шар… Небольшой, величиной чуть меньше кулака. Он плавно поднялся к самому своду подземного коридора и замер на расстоянии вытянутой руки от его широко раздутых от волнения и страха ноздрей.

Тьма.

Та, которая древнее самого Солнца.

Та, которая помнит.

Та, которая знает и ждёт.

– Тьма древнее Света. – тогда он ещё не знал, что значат эти слова.

Шар тронулся с места, подлетел ближе и завис, как раз между его рогов.

– Nifra mogor laros.

Не то послышалось, не то почудилось ему в открывшемся непроглядном мраке.

Всего лишь капля. Капля ледяной воды, сорвавшаяся с каменного свода на макушку. Всего лишь одна проклятая капля.

Духи Орфы сыграли с ним эту шутку? Рука его небесного покровителя Байсыра дрогнула и не смогла оградить его? Уже не важно. Если бы не капля ему ни за что не

хватило бы глупости или отваги схватить чёрный шар руками.

А ещё, с того самого мгновения до сегодняшнего дня он так и не решил, проклинать ему эту злополучную каплю или благодарить.

Тоскливое, как вой сквозняка в рудоспуске, пение заставило Ларса вскочить и направиться к выходу. Он уже собрался припугнуть певцов, да вовремя вспомнил: Резню хоронят.

«Как воинов…» вспомнил он слова пантеры и усмехнулся. Связавшегося с Ловцами, будь он хоть первейший из воинов, похоронят как Ловца и не станут разбирать, в Карве он сгинул или в бою - привяжут камень, да в реку. Если найдут что хоронить.

Чёрные воды, грозные скалы.

Инистый берег, парус седой.

Тёмные реки – Хримра дороги…

Пели рябые на хатрийском, глухими простуженными голосами.

Ларс в гневе сжал кулаки. Проклятый корабль!

Он слышал страх в голосах, певших эту старую погребальную ахару. Уже завтра слух о чёрном корабле из древней легенды, о корабле без имени или как его зовут северяне, Хримре, чумой расползётся по всей Орфе, заражая страхом. И тогда никакие посулы, никакие угрозы не заставят Ловцов оторвать свои хвосты от пригретых у костров мест. Шкуры и трусы!

Ларс нервно прошёлся по пещере, вновь стянул рукавицы, подышал на ноющие от холода и сырости пальцы.

Ладно. Как ни страшен заплывший в эти пустые головы чёрный корабль, он страшнее. Куда страшнее!

Ни грома ни молнии ни леденящего света. Ничего такого о чём твердят самозваные вудулы, от Белых Земель до Южной усары. Прикосновение к чёрному шару было прикосновением к Силе. Ему вывернуло руки, вздёрнуло под свод подземелья, будто на дыбе и швырнуло в стену. Очнулся он в этой пещере. Курнуб всё же вернулся за ним. Не бросил, и на том спасибо… Серна ни о чём его не спрашивал, а он ничего не рассказывал и не упрекал за бегство, однако сторонился его. Даже в дальние вылазки, вглубь Орфийских подземелий отправлялся один. Стыдился? Что-то чуял?

Горал вздохнул, расправил плечи, вынул из очага раскалённый уголёк, немного подержал на раскрытой ладони и стиснул его в кулаке.

Сила!

Она превращала гранит в кипящее огненное молоко, а золу в алмазы. Она отверзала в земле глубокие чёрные воронки, что засасывали пролетающих над ними птиц. Сила создавала, Сила разрушала, но ничего не требовала взамен.

Ничего?

Ларс едва разжал намертво сведённые судорогой оледеневшие пальцы. Две яркие светло-жёлтые искры зажглись в дымящейся угольной пыли. Горал осторожно подул на них, а затем бережно ссыпал полученные камни в мягкий кожаный мешочек. Он знал им цену и за последний год скопил немало. Всякий раз, спускаясь в Колодцы, сплавляясь по подземным рекам, бродя по скользким от ледяного ила, гиблым нижним ярусам Орфы, горал искал встречи с чёрным шаром и вместе с тем боялся её. Однако встреча эта состоялась не в подземельях Орфы а на плато посреди белого дня когда он выкладывал из тайника мороженую чёрную форель.

Чёрным крестом легла на снег крылатая тень, затмив солнце, стоящее в зените. Порыв ветра заставил его опуститься на корточки и вцепиться пальцами в обледенелые края тайника. Мороженая рыба с костяным стуком покатилась по склону.

-Ты? - шёпотом спросил Ларс того, кто в трёх шагах за его спиной тяжело ступал по трещащему льду.

- Я.

By Krafi
kraficat.deviantart.com

Кхра Фирос

https://vk.com/id116091527

Одиночество

Одиночество сковало душу
И легко изменило свет.
В уголке начертило тушью –
Чёрным цветом частицу «нет»!

На груди примостившись не грея,
Тихим стоном шипящим во мгле,
Зарычит в облике зверя,
Отдавая свой зов пустоте.

Словно волк завывая ночью,
С темноты, что даётся не в мочь,
Каждый раз сметает в клочья,
Все попытки вырваться прочь.

И оно не имеет объятий,
Не умеет дружить и прощать.
Только рушит новые связи,
Продолжая дальше страдать.

Но очнись, не стоит бояться
Сделать шаг навстречу судьбе.
Есть вокруг похожие рядом,
Что идут по той же тропе.

Серые хвосты

Мы идём вперед –
Серые хвосты,
Наш черёд грядёт,
Обнажив клыки.
Ритм отбив один,
Погружаясь в транс,
Разжигая пыл,
Кружим в резонанс.

Пляски у костра,
Отданы дары,
Звуки от бубна,
Пестрота игры.
Отблески от глаз,
Огоньки в ночи,
Светит тут Луна,
Пламя у реки.

Шаг за шагом, стук,
И следы от лап:
Отмеряют круг,
Составляют такт.
Поднимая ввысь
Искорки души,
Где огонь горит –
Лучше не найти.

* * *

Творец на нотах нам покажет
Свои идеи красоты,
Загадки в образах не смажет,
Играя музыку мечты:

Там свет и тьма сплетают тени,
Меняют краски миражи.
Гуляют сказочные звери,
Оставив чёткие следы.

Бегут ручьи, шевелит листья
От ветра свежего поток,
Приносит песни и чуть слышно
Горит уютный костерок.

Нажмёт на клавиши — растает
На небе звёздном белый смог,
Узор он новый обретает,
Украсив солнечный чертог.

С душою чувства величает,
Касаясь струн из глубины.
И всё плохое заметает,
Подняв к просторам высоты.

* * *

Я был человеком с душою дракона
Меняется мир, меняются чувства,
Все грани не сразу понятны в себе.
Сметаю сомненья, надеясь на чудо,
Появится истина где-то во сне.

С улыбкой, оскалом, расплывчатой дымкой,
Следы оставляя рядом кругом,
Приблизится зверь поступью тихо,
И станет яснее, сердцу легко.

Я был человеком с душою дракона,
Фантомные крылья держал на спине.
Их сильный размах тёмного тона
Привычную лёгкость давал в вышине.

И хвост проявлялся, менялась походка,
Чешуйки блестели тускло во тьме,
Бронёй покрывая с магией тонко,
Но прочно сливаясь с телом вполне.

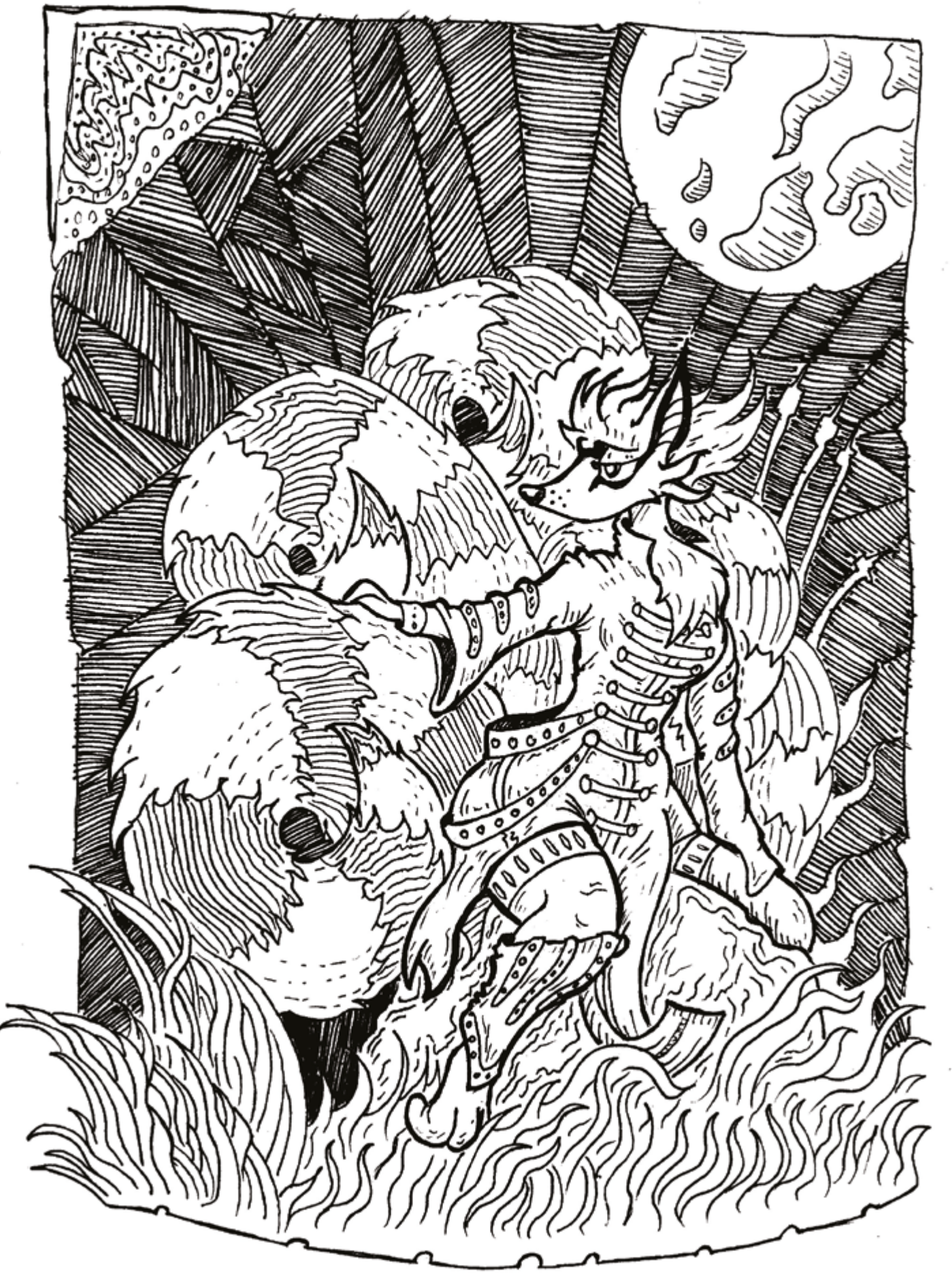
Рога золотые, как гордое знамя,
Волнистые формой, яркие все.
На кончиках острые, небо пронзают
Есть признак отличия на этой Земле.

Шагая из дома к чудным просторам,
По узким тропинкам, дальше от стен,
Пытался летать снова и снова,
Признав свою сущность в полной красе.

И лапы бежали и лапы цепляли
Потоки воздушные, мысленный мир.
Где люди, драконы вместе блуждали
Сплочённые нитью общей судьбы.

Стихия моя из огненных вихрей,
А память из копии призрачных сфер.
Далёкие звёзды их поглотили.
Я здесь возродился разрушив барьер.

Я был человеком с душою дракона,
Фантомные крылья держал на спине.
Иной ипостасью всей бесподобно,
Теперь же, свободно лечу в вышине.



Из-за ограничения бюджета журнала и количества страниц, мы не можем напечатать все работы всех авторов, но мы выражаем благодарность всем, кто отправил работы в этом году. Мы были рады их получить и прочитать, обязательно присылайте новые работы в следующий раз - удача улыбается настойчивым!

Список всех авторов которым мы выражаем благодарность за работу и контакты:

Алена Шаяхметова	<vk.com/id108836239>
Alex_fox	<vk.com/id2388280>
AnsticeWolf AKA ToddWolf	<www.furaffinity.net/user/ToddWolf>
Azara	<vk.com/id190243163>
Conqista	<vk.com/id13668862>
Del Kon	<vk.com/delangry>
Felis	<vk.com/greycatfelis>
Фэл	<furaffinity.net/user/faellin>
Imanika	<imanikacat@gmail.com>
Johnny Fox и Reno	
AKA Студия Monster & Fox	<vk.com/monstrafox>
Кельт	<zebra555@mail.ru>
Кхра Фирос	<alexsr.furnation.ru>
Крафи	<scruffycat3@yandex.ru>
Кристина Кошкова	<vk.com/t.koshkov>
Lunar	<lunar.furnation.ru>
Мантс	<vk.com/vdpon>
Neko	<vk.com/nekoart_art>
Paddy B.G.	<vk.com/drunken_paddy>
Silver Fox	<alexvu375@gmail.com>
Синька	<furaffinity.net/user/drakecreator>
Честер-сан	<vk.com/chestersan>
Wooy	<furaffinity.net/user/wooy>
Жмернальт	<vk.com/id6241362>
Zero-ni	<zero-ni.furnation.ru>
Редакция **АРФИ**	<vk.com/arfi_magazine>
	<arfi@artfurry.ru>

Обложка: **AnsticeWolf** – **Artist**

Внутренняя обложка: **Conqista** – **Рысь**

авторство других рисунков указано в оглавлении

Главный редактор: **StormWind**

Помощники редактора: **Imanika, Найчит, Lozi Cheetah**

Вёрстка, дизайн: **Imanika, StormWind**

Корректор: **Imanika**

Печать: **АРФИ**

Встретимся на Русфурренции 2018!

Создатели альманаха и музыкального приложения выражают благодарность всем авторам, которые присылают свои художественные и литературные работы, статьи и музыкальные произведения для нашего проекта.

Если вы заинтересованы в участии, просим вас связаться с Редакцией журнала.

Ждём ваших писем!

Сайты, входящие в содружество:

АРФИ
http://arfi.artfurry.ru
<arfi@artfurry.ru>

MRFF
http://mrff.ru
<lozi_cheetah@mail.ru>

FURNATION.RU
http://www.furnation.ru

Музыкальный раздел by Lozi <lozi_cheetah@mail.ru>
Редакция АРФИ <arfi@artfurry.ru>

Выражаем признательность всей пушистой
общественности за участие и посильную помощь.
До скорых встреч и спасибо за внимание!

Приглашаем к сотрудничеству пушистых авторов всех жанров и направлений! Присылайте свои работы.

Russian Furry Publishers 2017–2018
АРФИ 2017
48 стр.
Тираж: PDF-версия